

ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ
ОММЕР ДЕ ГЕЛЛЬ

Павел Вяземский

Письма и записки Оммер де Гель

«Public Domain»

1845

Вяземский П. П.

Письма и записки Оммер де Гелль / П. П. Вяземский — «Public Domain», 1845

«Я не узнаю моей книги ни в издании 1860 года, ни в издании моего покойного и незабвенного мужа (1843–1845). Это заметки, не имеющие ни малейшей связи, сшитые как попало или связанные вместе, но наобум. Правда, я согласилась с мнением моих лучших, самых веских и влиятельных друзей – исключить кое-какие подробности самого конфиденциального характера. Я преклонилась перед волею графа Сальванди. По возвращении моем из России, в конце 1841 года, несмотря на смерть герцога Орлеанского, мои отношения к королевской фамилии сделались еще интимнее, я была в еще большей милости (1842–1845); у ног моих были герцог Немурский, принц Жуанвильский и д'Омаль...»

© Вяземский П. П., 1845

© Public Domain, 1845

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	5
№ 1. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	8
№ 2. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	10
№ 3. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ	11
№ 4. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	12
№ 5. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	17
№ 6. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ	18
№ 7. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	21
№ 8. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	24
№ 9. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ	25
№ 10	26
№ 11	28
№ 12	29
№ 13	30
№ 14. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	31
№ 15	32
№ 16. ГРАФИНЕ ЛЕГОН в БРЮССЕЛЬ	33
№ 17	34
№ 18	35
№ 19	36
№ 20. ПОЛИНЕ «МЮЕЛЬ»	37
№ 21. ГРАФИНЕ Л«ЕГОН»	39
№ 22. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ в ЭПИНАЛЬ	41
№ 23. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ в ЭПИНАЛЬ	42
№ 24. ГРАФИНЕ Л«ЕГОН»	44
№ 25. ГРАФИНЕ ЛЕГОН	46
№ 26	47
№ 27	49
№ 28. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ	50
№ 29	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Павел Вяземский

Письма и записки Оммер де Гелль

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я не узнаю моей книги ни в издании 1860 года, ни в издании моего покойного и незабвенного мужа (1843–1845). Это заметки, не имеющие ни малейшей связи, сшитые как попало или связанные вместе, но наобум. Правда, я согласилась с мнением моих лучших, самых веских и влиятельных друзей – исключить кое-какие подробности самого конфиденциального характера. Я преклонилась перед волею графа Сальванди. По возвращении моем из России, в конце 1841 года, несмотря на смерть герцога Орлеанского, мои отношения к королевской фамилии сделались еще интимнее, я была в еще большей милости (1842–1845); у ног моих были герцог Немурский, принц Жуанвильский и д'Омаль.

Нескончаемые комиссии и сама Академия усердно, но неумно трудились над этим юношеским моим трудом, желая его очистить от всех излишеств и паче всего от всех воображаемых скабрзностей, недостаточно, по их мнению, академических. Мой муж тогда еще был жив. Излишняя откровенность могла действительно повредить его карьере. Много лет спустя, сколько помнится, в 1851 году, одна из моих самых старых приятельниц, вдова Шаретон, занимающаяся воспитанием девиц и руководящая очень значительным заведением в Елисейских полях, между Мюет и Ранелаг, принявшая меня в свой институт в 1828 году, когда мне было девять лет от роду или еще того менее, взяла мою рукопись для прочтения и возвратила ее, не скрывая своего негодования.

«Вы не можете рассчитывать на мое участие в распространении вашей книги среди воспитывающихся юношей и, упаси боже, девиц. Что это вы задумали в самом деле? – сказала она мне самым строгим, начальническим тоном. – Она найдет место на столе развратника, да и то запрятанная под сукно. Вас бы самое надобно запрягать и держать покрепче под моей ферулой. Вы бы тогда остепенились и вышли бы с золотою медалью. На вас не стоит сердиться, вы никогда не посмеете издать вашей рукописи». Я постоянно была первою ученицею по наукам и подвигалась в них со свойственною мне страстью. Директриса меня очень любила и баловала с детства. В 1833 году я уже получила на конкурсе в Лилле аттестат на право преподавания музыки и декламации, а в 1834 году удостоена от университета диплома наставницы. Я тогда была уже замужем.

Журналисты из самых влиятельных мне говорили нечто подобное и довольно щекотливое для моего самолюбия. Я преклонила голову пред ареопагом и сказала им в 1860 году: издавайте, как знаете. У меня тогда не то было в голове. Префект полиции, Делессер, перечитывал, как он мне сам не раз говорил, с увлечением несколько писем, писанных мною приятельницам моим: графине Легон, графине Марии Калержи, маркизе Контад, Полине Делож, г-же Гейне, урожденной Фульд, г-же Лафарж, принцессам Бирон, девицам Эллис и многим другим. Как эти ужасные письма попали в черный кабинет? Неужто сами получательницы их передавали в префектуру?

Там имелся целый ряд моих писем к Делессеру за шесть лет (1842–1846) и записок моих к нему без числа, раньше и позже. Это меня, конечно, не удивило и даже польстило; он с большим уважением отзывался относительно самых скабрзных писем и удивлялся моей кипучей деятельностью. Такого же мнения был граф Воронцов. Они меня очень высоко ставили и ценили. Я вела переписку с Гизо и Абердином о предметах более важных; впрочем, они ничем не гнушались. Весь мой материал я сдавала на почту по разным адресам; что попадали в черный кабинет политические письма, это меня нисколько не удивляло. Но что ужасно – это нахождение в

руках префекта моих писем самых чистосердечных, приятельских, задушевных, крайне компрометирующих. Еще ужаснее видеть в кабинете всемогущего человека целую кипу полицейских дознаний, полицейских сплетен, доносов. Здесь вся моя жизнь как наяву. Я содрогалась и не раз вскакивала с моего кресла, совсем одурелая. Впросонках я вздрагивала, и холодный пот покрывал мое тело. Я его умоляла, на колени перед ним становилась, то плакала, то смеялась и смешила его как ребенка, умоляя, чтобы он мне отдал этот злодейский картон, хотя бы письма к г-же Делож: они для правительства бесполезны. Несмотря на десятилетнюю самую тесную дружбу, он до конца оставался неумолим.

В 1848 году я снова умоляла его отдать мне компрометирующие меня письма. Он отказал, а сам через час бежал. Мне удалось пробраться в те же комнаты, куда сумел пробраться Марк Коссидьер, окруженный массой рабочих. Я следила очень зорко за префектурой и вошла вместе с толпой. Я сразу узнала в этом исполине моего сент-этьенского и лионского курмахера., Мы встретились старыми и добрыми знакомыми: я не напрасно кокетничала с ним в 1832–1833 годах, во время вакансий. Он вспомнил это и передал картон, не рассматривая вовсе бумаг. Захватив картон, я нашла его в большом порядке: письма и полицейские дознания хронологически рассортированными, мои записки и письма к Делессеру в двух запечатанных пакетах, обвязанных розовыми лентами; один пакет с письмами к нежно любимой подруге моего детства Полине Мюель. Я не понимала, как они достались префекту. Дело объяснилось весьма просто: помета была сделана карандашом рукой Делессера; бумаги захвачены были в 1841 г., их всех было около шестидесяти.

Я, отправляясь в Одессу в 1860 году, захватила с прочими бумагами мои дневные записки и письма. Кроме личного интереса, они вообще любопытны. Эту исповедь моей жизни я взяла с собой, полагая, что сбыт будет верный и прибыльный. Все говорили о свободе печати. Дня через два цензор заявил мне, что моя книга «невозможна», хотя я и предлагала исключить некоторые имена. Вот тебе и свобода печати! Что ни говори, а я рассказываю только то, что видела воочию, и никогда не говорю о том, что мне доверяли с условием держать дело в тайне. Я рассказываю только то, что совершалось в виду многих: *coram populo et notario*. Все государственные тайны, все подробности доверительного свойства – я храню свято; если я кажусь иногда чересчур болтливой, то я выдаю самое себя на осуждение злорадной толпе. Люди поверхностные упрекнули меня, что я в письмах моих выставяю порок торжествующим. Я иначе писать не могла. Я рассказываю, что я ощущала, что я видела, и именно в том свете, как мне казалось, что виденное мною совершалось. Я головою ручаюсь, что между читателями найдутся люди безупречные, которые скажут: да, эта исповедь есть дело высокой нравственности. Первоначально вся книга заключалась в одной или двух главах «о русской генеральше и управляющем с наичистейшим парижским прононсом». Этими двумя статьями я пожертвовала ради одесской цензуры, хотя граф Сальванди мне разрешал напечатать мои письма целиком. Его письмо у меня хранится как святыня. Он умер 15 декабря 1856 года. Мои письма к нему возвращены по его смерти, равно как и письма к князю Тюфякину и ко многим другим. Тщательно пересмотренная и значительно дополненная по случаю возвращенных мне бумаг с 1833 по 1848 год и моими воспоминаниями с 1848 по 1860 г., книга обратилась в записки моей жизни.

Аделаидино. 28 ноября 1860 года

Я помещаю здесь в начале моего сборника статью из «Дамского журнала», написанную незадолго до моей свадьбы. Мне тогда было едва четырнадцать лет, а весьма может быть, и более: мать моя имела страсть скрывать мои годы. Статья эта напечатана 15 декабря 1833 года, но она доставлена ранее, в начале нашего приезда в Париж, в октябре.

Все эти письма писаны к Полине Мюель. Все они помечены рукой Делессера в хронологическом порядке от № 1 до 63 и имеют, кроме того, одну общую помету: «ад. № 478, дело

Делож.»», обозначающую, конечно, дело, которого в моих бумагах не оказалось. Я очень просила Делессера мне это дело отыскать и возвратить. Но все мои старания остались тщетными. Дело, без сомнения, к которому эти письма относятся, касается бракоразводного процесса супругов Делож. В парижской квартире г-жи Делож был произведен обыск в конце 1840 года – и, между прочими любовными письмами, коих оказалось много, были и мои письма. Обыск совершился по указанию мужа в досаде на исчезновение шкатулки, которую г-жа Делож бросила из каюты мужа в Средиземное море. Ей удалось захватить свои письма во время плавания из Ливорно в Марсель. Делож их вез к отцу как доказательство преступной жизни жены и надеялся тем избавиться от уплаты пятисот тысяч франков ее же собственного приданого. Меня в Париже не было; я тогда устанавливала в России (1838–1842) связи – в Галацах, Черновицах, Одессе, Таганроге и других еще более удобных местах, но не пользующихся той же известностью, для споспешествования нашим торговым сношениям; мне удалось установить некоторые связи, которые не прекращались в течение многих лет и оказали в глазах самого правительства несомненную пользу во время Крымской кампании. Эти местности не обозначаются с должной точностью и определенностью, чтобы не навести русскую полицию на след. Контрабанда производилась на яхте графа Воронцова, на яхте Тэтбу де Мариньи, на военных пароходах, возвращающихся из Константинополя в Николаев и... Заботы мои напрасны. Две давности уже миновали. Я была, однако, жертвой величайшей несправедливости: въезд в Россию мне высочайшим указом был воспрещен, мне, помещице, дворянке, жене бергинспектора и гютенфервальтера, в чине полковницы. Я обращалась в русское посольство в Константинополе, в Париже, в Вене, в сенат, в комиссию прошений, я писала на Кавказ к графу Воронцову, – и все напрасно; только с воцарения Александра II я получила русский паспорт, который восстанавливал мои права. Не желая быть жертвой повторения столь явного нарушения законов, я продала оба мои имения в 1858–1859 году – и хорошо сделала.

Обыск производился большим моим приятелем Делессером в конце 1840 г. Он, однако, тщательно скрывал, что имеет в своем распоряжении компрометирующие меня бумаги. Это подло. Совершенно иначе поступил Жиске с моими письмами к графине Легон. Она имела подлость доставить их префекту во время ссоры моей с ней в 1836 году. Я их тотчас уничтожила, бросив в пылающий камин. К счастью, я их нашла в том же картоне в копиях, чего я вовсе не ожидала от Жиске. По крайней мере, он не злоупотреблял моей откровенностью. Король был очень милостив ко мне и весьма содействовал напечатанию на казенный счет моего путешествия под именем моего страстно оплакиваемого мужа, сошедшего в могилу ранее тех великих почестей, которые несомненно ожидали бы его, на что я имею весьма веские доказательства. Если бы ему удалось продлить свое существование, то он увидел бы то лучезарное солнце, под сенью которого ныне благоденствует Франция. Я прежде всего должна почтить память знаменитого греческого филолога Кораи, умершего на 86 году от рода. По нем совершена панихида 9 апреля 1833 года в греческой церкви. Мир праху твоему, мой незабвенный учитель, возбудивший во мне с ранних лет страсть к дальним путешествиям, Я должна упомянуть память графа Сальванди, столь сильно покровительствовавшего моим первым начинаниям. Я оплакивала ныне неожиданную смерть наилучшего из друзей моих. Я гостила в Граве-роне 15 декабря 1856 года и остаюсь здесь до его похорон, чтобы почтить его дорогую память. Мне остается изъявить мою живейшую благодарность г. Фульду, много способствовавшему созреванию плодотворной моей деятельности.

№ 1. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Лион. Четверг, 3 октября 1833 года

Мой несравненный друг Полина, солнце моей жизни. Я тебе все пишу в Эпиналь, г-ну Мюель. Я приложила статью из «Дамского журнала», зная, как ты интересуешься модами.

«Г-жа Гериио в том же роде велела вышить золотом роскошными букетами передник из фиолетового кашемира. Внизу он окаймлен бахромой из золотых шнуров, перемешанных с шелковыми. Узнавая мать по ее элегантному утреннему неглиже, мы вам укажем немного позади, вдали от матери, ее дочь, существо совсем еще девственное, непорочное, скромное, но весьма красивое, красивое своею первою молодостью, во всей свежести ее юных лет, в белом муслиновом платье, с плечами полуобнаженными, как у матери, кушаком, завязанным сбоку, – единственно дозволяемое ей пока кокетство. Молодой девушке, сидящей в гостиной ее матери, не более четырнадцати, много пятнадцати лет. Вы знаете, в Париже их ранее того не видно и вскоре их ожидает замужество и совершенно иная сфера».

Сохрани этот номер, он послужит со временем доказательством той изящной элегантности, которой я с детства моего привыкла пользоваться. Это будет со временем исторический документ, довольно важный.

Июльские дни озарили горизонт новым светом. Модные магазины ожили новою жизнью. У нас открытый кредит в любом из них. Делиль занял роскошный отель Шуазель между улицами Шуазель и Граммон; он платит двадцать пять тысяч франков в год и нанял дом на тридцать лет, и я как бы царю в нем. На углу улицы Граммон и Итальянского бульвара под вывеской «Серебряного колокола» Жерве-Шарден продает дивные духи в своеобразных флаконах. Дё Маго по улице Рюсси, Повр Дьябль – по улице Монтестье, Пальмир, Убиган открыли великолепные магазины. Все пахло весною, мы оживаем новой жизнью. Я далеко не революционерка. Я держусь правил Сен-Жерменского предместья и участвую во всех его легитимных манифестациях. Это король очень хорошо понимает и воздерживается от оказания мне своего расположения. Революция 1830 года сделана именно для меня. На проходе меня встречает везде одобрительный гул: «Это хорошенькая Гериио, саперлипопет, как она мила, какой обворожительный туалет». Эти выражения неподкупленной толпы, срывающиеся невольно с уст людей, не ожидающих от меня никакого сочувствия, наполняли мою грудь невыразимым торжеством. Меня везде на руках носят. Наш авторитет в первостатейных магазинах признается законом. Мой передник того же фасона, те же букеты вышиты разноцветными шелками по черному атласу: два букета по углам и два для карманов. Не правда ли, как мило? И оно нам ничего не стоит, кроме золота и шелка: их вышивали лучшие воспитанницы в приюте, учрежденном в Лионе стараниями моей матери и находящемся в бесконтрольном ее заведовании. Она не любила им спуска давать, и я также; им работа не обходилась даром, за это я тебе ручаюсь; а не то милости просим и вон. Они ужасно боялись своих отцов и матерей. Мы отдали отделявать г-же Ленорман по улице Де ла Пэ, 26, сделавшей нам очень выгодное предложение. Ты знаешь, как черный цвет идет к моему смугло-желтому лицу. Я решительно начинаю давать тон. Платья выездные и нарядные все большею частью черные или отделяются черными кружевами. Ты скажешь, что оно не к лицу для молодой девушки. Ты очень ошибаешься, потому что оно будет в большой моде с самого начала сезона. Я все вижу в черном цвете. Посмотришь зимой.

Я часто езжу верхом с Анатодем Демидовым, с графом Морни. Много бывает разной молодежи, и все львы самого первого сорта. Чем их больше, тем безопаснее, говорит моя мать. Мой quasi-отчим сорит деньгами и любит, чтобы ими сорили и мать моя, и я. Это основа кредита, говорит он. Я часто встречаюсь с герцогом Орлеанским и Немурским в Елисейских полях и в Булонском лесу. Мою гувернантку я еще в пансионе прогнала. Я ее два раза коленомхватила в самое больное, нежное место и носком моего сапога очки с носу сшибла. Она зашаталась

и в обморок упала. Я поскакала с Анатодем в лес. Я упражнялась три дня и ожидала только этого случая. Мать приезжала за мной. Ей г-жа Прево насплетничала и не на шутку напугала. Пусть голодает, ее никто не возьмет, кроме нас. Я только на одну неделю здесь. Меня взяли на исправление. Просто умора! Некогда гулять. Я работаю за деньги, знаю, что у моей матери ничего нет или почти ничего, и наверное, что есть, то в пожизненных рентах и едва ли когда-нибудь будут деньги. Ты богата, не поймешь. Моя мать рада была бы меня запереть. Но Керминьян этого никогда не допустит. Он очень дружески относится ко всем моим шалостям и потакает им. Я у него живу и вполне хозяйка в его доме. Мне часто приходит на ум, что я могла бы быть его женою. Меня берет досада, когда он меня бросает одну с молодыми людьми и, оставляя нас вдвоем, говорит на прощанье неуместные шутки. Он из меня хочет сделать львицу и говорит, что я далеко пойду.

№ 2. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Сен-Этьен. Воскресенье, 13 октября 1833 года

Душка моя Полина, ненаглядная ты моя красавица, поздравь меня, я невеста, я почти уже замужем, моя судьба решена бесповоротно. Молодой человек, оканчивающий курс в Горном училище, около года занимается практически под руководством г. К(ерминьяна), ему едва двадцать три года. К(ерминьян) его любит как сына и уважает за твердость характера и несомненные способности. Я люблю его с год, когда вижусь с ним, что бывает, правда, очень редко. Он избегает меня, но я ему видимо нравлюсь.

Поговорили о парижской великосветской молодежи, с которой действительно весело верхом ездить, да и только. Я их очень хорошо знаю. Стариков не поймешь, они нас за деньги покупают. Он (Керминьян) совершенно согласился с моим взглядом. Когда я ему намекнула о моей любви к г. Геллю, он ухватился с восторгом за эту мысль, и мы поехали вдвоем в Сен-Этьен. «Он твоей карьере мешать не будет и муж, каких мало. Я его близко знаю. Мы с ним в проделках бывали, и я всегда был им доволен. У тебя явилась гениальная идея. Берегись матери, чтобы она твоему счастью не помешала». Что от тебя скрывать? Я так рада была поездке, что бросилась ему в объятия и страстно целовала его, наши руки невольно встретились и нашли те пути, которыми, думая утопить нашу жажду ощущений, мы только разжигаем чувственность. Каков моралист – не хуже Вовенарга! К(ерминьян) присутствовал на экзаменах. Я выходила несколько раз и ожидала их в страстном волнении. В прошлом году, в июне, со мной встречался молодой человек атлетической формы. Ты знаешь, я от них без ума. Верно, мои глаза были так выразительны, что он прочитал в них сразу, как он мне нравится. Он прямо подошел к моему окну и заговорил. Вообрази себе, какой нахал! Я ему здесь очень обрадовалась, так скучно сидеть одной. Его зовут Коссидиером. Окончив блистательно экзамены, Гелль вышел первым. Мой жених носит аристократическую фамилию: Оммер де Гелль. Я его обвила обеими руками и увлекла в моих объятиях. Я вечно буду помнить три дня восторженного счастья, которое мне удалось вкусить. На третий день г. Керминьян объяснился с нами и сказал, что мы достойны друг друга, мы будем дружно работать вместе, а когда нужно, то и врозь. «Я знаю ее, как себя. Она вам будет верной сотрудницей и, когда нужно будет, придет, бросив все, к вам на помощь. Вам, впрочем, помощь не нужна, и прошу вас обоих не беспокоиться на первых порах о вашей будущности, пока я тружусь и богат. Располагайте моим кредитом».

№ 3. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ

Лион. Среда, 16 октября 1833 года

«Керминьян» уехал вперед рано утром», – донесла моя девушка, входя в спальню. Я обомлела, но скоро оправилась; она мне подала записку от опекуна: «Куй железо, пока горячо, еду к матери, чтоб ее подготовить». Я опять улеглась в постель. Нам подали кофе. Я с трудом встала часа в два пополудни; к вечеру мы отправились, как муж и жена, в дормезе г. Керминьяна, который настолько был любезен, что нам заказал обед на славу. Мы облизывали пальцы. Мне ужасно хотелось есть. В самом деле обед был очень хороший. Гостиница под вывеской «Золотое солнце». Нам служил сам хозяин Ледюк, младший брат того, что в Монморанси; помнишь прошлогоднюю поездку на ослах? Приехав в Лион, я объявила матери о случившемся. Моя мать, скрепя сердце, приняла меня довольно хорошо; она слишком занята была г. Морэном, у нее гостившим. Мы пошли впятером с г. Керминьяном и мужем моим прогуляться. Морэн взял свой складной стул, свои кисти и написал первый набросок моего портрета с натуры. Вышло чудо чудес. На другой день Керминьян уехал с моим мужем на работы. Они вернулись ужасно поздно. Я весь день провела как сумасшедшая, все мне сделалось противно. Я ругала, топала ногами и два раза приколотила мою бедную старую няню; ей не в диковинку – она невольница. Но мне ее было жаль; я ей подарила пять франков. Я оставила дверь незапертой. На днях мы будем граждански обвенчаны. Но все же это страшный грех... Я завтра покаюсь на исповеди.

Эти господа приедут в Париж 11 ноября в два часа пополудни, свадьба 12-го; все будет окончено к двум часам пополудни. Всем распоряжается г. Керминьян, я его от души полюбила. Перед моим с ним объяснением я ему говорила, что я была бы рада за него замуж выйти. «Что за вздор», – сказал г. Керминьян, и его слово закон не для одной меня. Я тебе еще не говорила о г. Морэн. Это живописец, ухаживающий за моей матерью. Мать моя старается его водворить в своем доме, т. е. в доме Керминьяна, и уверяет, что он по уши влюблен в меня и просит моей руки, зная, что я ему откажу. Она рада найти случай и предлог. Какое свинство! Это просто ни на что не похоже.

Коссиер опять здесь.

– Он очень опасный человек, – говорит Керминьян, – он волнует...

– Он волнует молодых девушек, – прервала я опекуна, – он так возвышается над толпой.

Его только одного и видишь.

– Нет, – сказал Керминьян, – он мутит рабочих.

– Напрасно, – сказала я, – он в женщинах нашел бы счастье наверное, а с возмущившейся толпой привлечет сержантов. Плохой барыш. Его подстрелят или в тюрьму засадят. Я постараюсь его вывести на лучшую дорогу.

– Он человек очень практический, но завзятый революционер. Я его насквозь знаю, – сказал опекун и ушел.

3 ноября. Я вполне предалась набожности. Мой духовный отец не отходит от меня. Я страшная грешница. Моя мать ненавидит Гелля и очень довольна моим увлечением и устраивает свидания. Он очень подружился с Керминьяном, но мужа систематически избегает. Положение довольно деликатное. Мой духовник держит себя очень осторожно. Я иногда как сумасшедшая им увлекаюсь. Моя мать все повторяет: ты теперь в хороших руках. Из тебя прок будет. Ари Шеффер набросал на холст мой портрет с отцом Менекени.

№ 4. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Париж. Среда, 6 ноября 1833 года

Душка, душка! Я не могу сказать, как я тебя люблю. Мы вернулись 20 октября в Париж: мать, Морэн и я. Париж тебе кланяется и ждет не дождется, как своего солнца. Я удивляюсь, как г. К(ерминьян) доверчив. Связь прямо бросается в глаза, это просто непонятно, как он может это терпеть. Морэн оканчивает портрет масляными красками к 12 ноября. Он дал слово жениху. Картина будет выставлена на выставке еще нынешней осенью. Я не пойду на эту выставку. Разве в черном вуале... Напиши скорее, что ты об этом думаешь. Морэн пригласил уже герцога Орлеанского посетить его мастерскую, по желанию моей матери. Герцог очень любовался картиной и особенно обратил внимание на выражение лица. Вообрази себе, он сделал несколько довольно ничтожных замечаний. Очень сожалел, что не видел моих рисунков, их вовсе и не было. Мне живопись как-то не далась. Он посмотрел на меня пристально и затем поспешно вышел. Картина осталась, однако, за нами. Мать так дорожила этой картиной и ожидала от нее стольких благ для моей будущности, что она поручила Жанену издать картину на ее счет. Литография сделалась известной под названием «Подвязка». Она печаталась у Лемерсье. Ее рисовал на камне сам Морэн с видимой любовью. «Его величеству нужен Ари Шеффер, – говаривал Морэн с некоторой, худо скрываемой досадой, – с его святыми женами или германскими проходимцами». Она обратилась к Ари Шефферу с просьбой взять меня в натурщицы. Портрет или, правильнее, эскиз очень хорош, но картина попадет на выставку гораздо позже (1836 г.) под названием Миньоны, считающей звезды. Он три раза с меня пишет свою Миньону: сначала Миньону с мандолиной в руках, Миньону, считающую, звезды, Миньону с престарелым отцом. Это все эскизы, наброски, часто изменяемые. С тех пор, как я сижу у него натурщицей, я в Тюильри как дома. Этого мне и нужно было. Эскизы очень удачны в своем роде, но картины едва ли попадут на выставку ранее 1835 и 1836 года. Эскизы можно видеть в Тюильри, в мастерской художника. Поедем вместе, а то, пожалуй, не впустят. Картины Шеффера и Морэна обе очень хороши; в одной ты видишь девушку, которая считает звезды и удивляется, что дождь так долго не идет, а другая прямо говорит: иди с козыря, это большой инвиг. Посуди сама, которой картине следует отдать предпочтение. Однако же эта Миньона, считающая звезды, свое действие произвела. Герцог Орлеанский все чаще и чаще стал ходить в мастерскую Шеффера. Я там днями сижу, даже когда самого Шеффера не бывает во дворце. Со мной ходит отец Менекени. Он очень понравился Шефферу, который с нас пишет Данте с Беатриче, пока только этюды.

Я сведена с ума сумасбродством и вертопрашничеством моей матери, постоянными заигрываниями с матушкиным содержателем, который действует теперь посмелее. Я ему не противилась; но он все что-то не подвигается, такой несносный. Оскорбительно, что ни говори, отсутствие жениха, и, несмотря на все, я им очень дорожу. Он теперь производит работы, которые никогда не кончатся (железная дорога из Лиона в Марсель), Я пригласила герцога в свою мастерскую с того же хода, что Морэн, одним этажом ниже, по улице Сент-Оноре, № 13. Ты, верно, покачиваешь головкой. Ты совершенно права, но увидишь мою мастерскую, скажешь другое. Я встретила герцога у Шеффера в Тюильри. Он подал мне молча руку, и мы долго, долго смотрели друг на друга. Я хотела взять руку назад и согнула средний палец, нечаянно, ей-богу, совсем нечаянно. Впрочем, что ни говори, ты никогда не поверишь. Только что он показался в моей мастерской, мое сердце так забилося, будто хотело выпрыгнуть из взволнованной груди, дверь была не заперта. Моя привратница, – помнишь мою бывшую гувернантку Прево? – она опять у меня, держу ее Христа ради на послугах, – она на цыпочках, украдкой, пробралась и заперла задвижкой. Очертя голову, без долгого размышления, в страстном порыве, я бросилась на шею герцога и объявила ему напрямик, что я на днях выхожу замуж,

что я от него без ума и решила пожертвовать собой, а затем всю остальную жизнь готова вести в одиночестве, насыщаясь одними дорогими воспоминаниями. Я тебе должна рассказать наперед разговор мой с матушкой, решивший мою судьбу. Я начинаю, кажется, не с того, как бы надо; надобно гору с плеч прежде свалить, а впереди явятся басни и прибаутки, и как будто станет легче на сердце.

– Надо сознаться, ты очень хороша. Ты очень напоминаешь императрицу Жозефину. Ты перещеголяла меня в моих молодых годах, а я была первостатейной и знаменитой красавицей. Все происходит от воспитания: я воспитывалась в совершенном бездействии, окруженная толпой черномазых рабынь, не без трепета ожидавших моих приказаний.

– Какое же я воспитание получила? Меня выпроводили, не дав кончить моего образования.

– Это, мой друг, все вздор, я сама взяла тебя, твое воспитание уже кончено, у тебя уже выработалась железная воля. Ты очень хорошая эллинистка, я уже не говорю о латыни. Сам Кораи в восторге от тебя, как и твой преподаватель Казимир Бонжур, которого ты в шутку всегда называла Калимера. Ты уже имеешь аттестат, как преподавательница музыки и декламации. Тебе нужен от университета диплом наставницы, займись этим. Как ты по носу задела г-жу Прево – ведь это только за деньги, напоказ, можно делать! – и, окруженная твоими вертопрахами, поскакала в Булонский лес. Ну, что говорить, молодец! Я поняла, что тебе в институте совсем не место, тебя надо поскорее замуж отдать. Что Демидов?

– Был и всякий день ходит и говорит, что если ему о свадьбе заикнусь, он уедет тотчас в Россию командовать своим полком. Его уже император Николай давно к себе просит. Я думаю, ты негритянок порядком колотила. Я моими плантациями хочу серьезно заняться. Я уже о них говорила с моим женихом. Он говорит, что эта статья весьма доходная. Только нужен надежный человек. А Коссидьер? – сказала я ему. Коссидьер – не Коссидьер, а человека я тебе найду. Впрочем, он человек распорядительный. Надо об этом хорошенько подумать.

– Я неграми с детства приучилась распоряжаться, но у меня от этого не выработались мускулы. Я росла красавицей и становилась более и более изнеженной, а моя плоть все не имела вожделенной твердости. Какая разница с тобой, твои мускулы и в икрах стальные. Это очень хорошо выражено у Морэна. Да, если бы нас с детских лет обучали фехтованию, гимнастике! А на вас, боже мой, сколько денег тратят! И за твою лошадь плати, и за берейтора плати, за одну верховую езду что ни день, то сорок франков выходит. А за твою мадам, что провожала тебя в коляске? Сколько тысяч пошло на одну верховую езду в два года! И мои мускулы сформировались бы, да не так воспитана была; не то было в моде. Я исполнена была неги, стройна и грациозна. Это требовалось прежде всего и исключительно, мы на рапирах не дрались. Мужчины нас бы на смех подняли, а на руках бы не носили.

– Мне бы очень хотелось на остров Мартинику съездить, у нас там есть черномазые невольники, которые требуют прямой и строгой выдержки и присмотра. Право, мама, поедем туда на пароходе, в месяц доедем. Я ужасно люблю путешествовать.

Я все заговаривала о моих плантациях, а моя мать точно нарочно изменяла разговор, неся всякого рода чушь.

– Право, брось своего жениха, его только мог выдумать Керминьян. Мы поедем весной, и там я тебе найду выгодную партию. И ты успеешь заняться своими плантациями, а пока, поверь мне, твои чудные ноги, кокетливо обутые, привлекут старых холостяков с туго набитыми карманами. Ты с Ари Шеффером далеко не уедешь, поверь мне, а ты все норовишь к нему. Он бы хоть напоказ выставлял твои ноги в полном свете и с маленьким оттенком кокетства, я бы ничего не сказала. Вместо твоих чудных ножек какие-то утюги выходят. Не будь ребенком, тебе уж пора забыть твои пансионерские манеры. Морэн тебя изобразил совершенной скромницей; ты выглядишь пугливой серной в чаще лесной и в совершенной тени угадываешь свое личико. Он тем и показал свое искусство, что на свет выставил только черные

атласные башмачки и с изумительной верностью и неподражаемым искусством сумел передать твои растопыренные субтильные ножки, твой grand esart. Он очень искусно вышел из затруднения. Он тебя, бедную, совсем замучил, держа десять дней в этом положении. Твой жених этого не стоит. Мы бы так стоять не умели, и живописцы бы и написать не сумели. Это достоинство трех июльских дней. Все остальное в тени, надобно долго смотреть и даже всматриваться, чтобы увидеть твое спокойное лицо, с спокойным взглядом. В этом и заключается прелесть. Не отвлекая взора, надобно, чтобы внимание было сосредоточено на твоих, ногах; их надо видеть. Это практично: ты, глядя на них, задумываешься, и твое внимание ничем не отвлечено. Герцог не хотел купить картины – и не надобно. Мы сами ее купили. А как он всмотрится попристальнее, то предложит двадцать тысяч франков, и г. Керминьян наверное не отдаст, а захочет больше. Мне картина так нравится, что хочется заказать ему повторение. (Моя мать решительно не знала цены деньгам.) Ты слишком редко посещаешь его мастерскую, он такой добрый малый, так предан твоим интересам. Тебе надоедают посетители; возьми квартиру под ним, в нижнем этаже. Она немного темна, он оттого и перешел наверх, а квартира славная, в ней много простора и удобств, в ней три выхода, один на улицу.

Сказав это, моя мать так и вспыхнула. Какая наивность, я этого от нее вовсе не ожидала. Неужто она воображает, что я ничего не замечаю?

– Я не говорю, что я не хочу мастерской, но прежде всего я хочу быть честной женщиной, прежде всего я хочу выйти замуж. Лучше моего жениха нет, он самый что ни на есть подходящий. Г. К(ерминьян) очень обстоятельно с ним говорил, и мы выяснили обоюдное наше положение. Мы оба хорошие работники, наша будущность впереди. Мы свое возьмем. Не мешай моей свадьбе, а там мы увидим.

– Когда ты устроишь свое ателье, пригласи г. Анатоля побывать у тебя, он, верно, из-за меня перестал к тебе ходить. Я очень любопытна знать, что он думает о картине. Он любит легкий жанр. Ведь ты показывала картину твоему жениху? Да ты и растопыривала твои ноги перед ними обоими. Морэн ко мне прибежал в восторженном возбуждении, и твой жених все толкует о твоих чудных ногах; он первый заметил Морэну, что картина выйдет прелестная. «Вам будет трудно передать, а я рад бы иметь хоть эскиз. Правда, мне этого не нужно, когда я буду обладать очаровательницей». Он так и сказал, не стесняясь моим присутствием. Негодяй! А именно и не надобно было ему показывать твоих чудных ног, да и самой картины вовсе не следовало ему показывать. Все они ужасные ревнивцы; нынче он гордится тобой, а через десять лет припомнит, поверь мне.

Советы, часто, почти ежедневно повторяемые матерью, навели меня на первую мысль нанять квартиру, ту самую квартиру, в которой прохладчалась матушка. При повторении этой сцены я вышла из себя и велела прийти обойщикам; они мне все устроили в один день. Я уже с утра ранехонько расположилась в роскошной просторной комнате, обставленной зеркалами; и на потолке четыре большие зеркала и пятое, еще больше, посредине. Вдоль стен также четыре зеркала меня отражают с разных сторон. Вся комната обита лиловым атласом (это мой любимый цвет), в складках, все занавески, все портьеры кашемировые того же нюанса, и мебель разбросана по комнате в самом живописном разнообразии, с причудливыми формами, но крайне удобная; так и хочется лежать и мечтать, летая в облаках, а из них выходит в лучезарном сиянии его высочество и простирает свои нежные объятия. Я сразу поразила мать, она точно угорелая стояла предо мною. Мой решительный характер ее недаром озадачивал.

– Прежде всего прошу не мешаться в мои дела. Я далеко не ребенок, как ты себе воображаешь. Комедия уже сыграна, и я осталась очень довольна моей поденной платой. (Так и сказала.) Герцог должен быть ко мне через час. Он, кажется, сам привезет тебе ложу, из первых, на оперный бал, они отбираются для двора. Бал дается в честь королевы бельгийской. Он желает с тобой познакомиться. Ты наденешь шляпу и, как скоро он войдет, сказав ему несколько слов, сделай вид, что ты выходишь, – это так принято. Он, вероятно, тебя не задержит, ты и ступай.

Скажи, уходя, чтобы никто не входил, пока будет герцог, и никого не впускать. Я всем обязана герцогу, это серьезный Мише. Мы поедем вместе в мастерскую Морэна завтра, по возвращении от королевы Амелии. Я забыла тебе сказать, что она нас ожидает к полудню. Какой мы произведем мироболантный и шикакандарный эффект! Какова будет картина! Я заходила сказать ему, чтобы побольше народу было, и все люди самые шикарные.

– Что за тон и какие речи? Ты точно нарочно, чтобы меня взбесить. Это из рук вон, просто ни на что не похоже, такие уличные речи, что их и не поймешь. Что такое Мише, я, право, не понимаю.

– Это для вас г. К«ерминьян», а для меня это герцог. Надолго ли? – право, не знаю, мама. Насилу таких людей не удержишь. В префектуру позовут.

– Да не говори таких слов, мы теперь ко двору ездим.

– Будьте спокойны, нас учили, как обходиться во дворцах, да и почище этого. Я умею приседать, и ногой нас учили забирать хвост, только для этого нужен шлейф. Я тебя выучу, только шлейф надень. Я очень хорошо помню, как меня сам г. Абрахам учил, как приседать, как ногой отодвигать шлейф. Есть ли у тебя платье со шлейфом? Поди скорее закажи. Завтра мы к королеве поедем. Помнишь, мне тогда было девять лет, когда меня повезли к герцогине Беррийской. Помнишь, в Диеппе мы подружились с герцогиней, ты тогда была с Демидовым. Я очень хорошо помню старика; тебе, должно быть, было очень скучно с ним. Герцогиня не могла налюбоваться моим шлейфом; она со смеху помирала, и я ухаживала за ее чудными ножками, я разувала их и обувала и целовала, а она все помирает со смеху. Чудное то время было.

– Да перестань же все глупости говорить. Ты несносная девчонка. Бог знает, что люди подумают. Ты такую волю привыкла давать своему языку, что у тебя сорвутся с языка бог знает какие непристойности в присутствии самой королевы. Она, говорят, этого очень не любит.

– Я была приятельницей с герцогиней Беррийской, герцог Бордоский был влюблен в меня, несмотря на то, что мне было десять лет. Я первую роль играла на праздниках в Багателль; меня отличали перед всеми пансионерками Почетного легиона. Меня герцогиня несколько раз брала с собой в субботу на бал в Ранелаг. За мной волочились и молодые и старые. Герцогиня очень любила, когда мне куры строили, а я и подавно. Я у герцога Леви на коленях сидела и ему глазки делала. Ларошфуко первый начал серьезно куры делать, и его глупая система оказалась не совсем глупой.

– Замолчи же, наконец, ей-богу, терпенья нет.

– Я и в Мюет очень забавлялась, мы часто ходили с m-лле Прево к Эрару. Ты этого не помнишь, ты тогда была в Мартинике, а мы очень хорошо устроились в Пасси. Ты очень тогда удачно выбрала место для моего воспитания – Пасси, Ранелаг, Мюет, и взяла в наставницы m-лле Прево.

Тут я расхохоталась громким смехом, обняла мою мать и сказала ей: «Поди приготовь шлейф».

Совсем другое вышло бы дело, если бы я воспитывалась по ту сторону реки. В отдаленной части Парижа, где возвышается купол Инвалидов, помещается институт Сакре-Кёр; директрисой института была девица Д'Авена. Это не чета вдове Шаретон и К°. Я сильно досадовала на мать, что не воспитывалась в Сакре-Кёр: это придало бы мне блеску и чего-то особенного, что осталось бы на всю жизнь.

Прощаясь в Лионе с Коссидьером, я ему сделала вскользь намек, что у нас в Париже есть мансарды над нашей квартирой. Приехав в Париж, мы нашли его у дворец нашего экипажа. Он стал выносить нашу поклажу, как ни в чем не бывало. Я едва могла удержаться от смеха, глядя на него. Он провел три дня в Париже. Я не понимаю, куда он все бегал в течение трех дней. Он приходил поздно. Мы делали разные восторженные планы будущего. Я видела Париж распростертым у моих ног, в мраке ночи, мне подвластный; и купол Инвалидов, и Нотр-Дам, и бульвары – все предо мною пресмыкается, все у моих ног, все мое, все мне подвластно.

Коссидьер несвязными речами уверял, что революция неизбежна, он говорил, что камня на камне не останется, и видел Париж в зареве пожара. Мы много и горячо спорили. Я была рада, когда он убрался. Он, в самом деле, бедовый человек, но очень завлекателен. Он меня просто пугал. Я предупредила Жиске. Он только пожал плечами.

– Пока они болтают, они безопасны, а когда они станут бунтовать, наше войско очень надежно; их живо перестреляют, и они опять примутся за работу. Это так просто, что не труднее сказать: здорово живешь. Впрочем, если вы желаете, мы его приберем.

№ 5. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Париж. Суббота, 9 ноября 1833 года

Душа ты моя, радость ты моя, ненаглядная моя Полина. Бал в опере все откладывается. Я думаю, наверное, будет 12-го. Во всяком случае, ни одного бала не пропущу, хотя особенно нынче ехать совсем не хочется. Я моему жениху со дня его приезда до отъезда, без исключения, принадлежу всем телом и душой, разве только бал при дворе. Бал будет завтра, 10-го. Я надеваю мое голубое, небесного цвета, креповое платье на атласной, того же нюанса, юбке. Платье уже принесено 5 ноября, оно очень просто и чудо как хорошо сидит на мне. Четыре бархатные банта идут от кушака, и по обеим сторонам спускаются, все расширяясь, по два соединенных лавровых листа, образующие бархатные накладки; их по шести, от бантов, что на середине. Платье мне делала m-me Селиан Мортэн. Она просто в восторге. Герцог подарил мне диадему, которую я надеваю на бал. Это большая бирюза чудного цвета, оправленная очень крупными бриллиантами. Мать моя говорила, что девушки не носят бриллиантов. Я невеста, и какая же я девушка? Я думаю, сама королева знает. Г. Керминьян отсоветовал надевать, говоря, что опасно: в толпе с головы сорвут. Какой вздор! Что же делает полиция? Мы почти каждый день ездим в Жимназ. В большой моде «Старые грехи». Буффе, отставной балетный танцор, попавший в старосты церковные, увлекается старыми воспоминаниями, так и просится трянуть стариной. Старик принялся плясать с заезжей танцовкой, Женни Верпре; его застает старая маркиза, бывшая некогда, мимоходом, его любовницей. Женни Верпре просто прелесть. Она несравненно лучше Дежазе и гораздо моложе. Очень забавен «Парикмахер и парикер». Жюстина, посмотрев в окно, напевает:

Как легка и изящна карета.
Как красив конь гнедой и сюртук!

На что ей отвечает ее любовник:

Все – мое до жокея, Жюстина,
Это требует строго наш круг.
Есть ли что увлекательней в свете,
Как, по гладкой панели скользя,
Беззаботно промчаться в карете
И забрызгать плебею глаза?!

Я очень любовалась Леонтиной Фай. Давали: «Квакер и танцовщица» и «Дипломат». Она в обеих пьесах играла.

№ 6. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ

Воскресенье, 10 ноября 1833 года

Как я хорошо сделала, что надела мою диадему. Туалет мой был восхитителен и отличался свежестью и простотой среди очень тяжелых, хотя изредка и довольно элегантных; все походило на театральные костюмы, взятые внаем, как будто напрокат; я не говорю о тех, которые действительно были взяты напрокат.

Много дам было в простых платьях и в прюнелевых башмаках – это уже чересчур помещански и едва ли позволительно – и в шляпках, красовавшихся на бульварах задолго до славных июльских дней. Я знаю очень хорошо, что это все вздор. Но сознайся, что простору больше. Все ожило: посмотри на магазины, на бульвары! Говорят, что прессу распустили. Я вовсе не боюсь газетных толков и пересудов. Чем больше говорят о нас в газетах, тем для нас больше славы. Это очевидно. От старомодных костюмов веяло чем-то затхлым, одним словом, пахло и реставрацией и ресторанами близ застав. Я герцогу это шутя сказала, не подозревая никакой колкости. Он очень смеялся и сказал: «Ваше слово разойдется по всем гостиным, но не повторяйте этой шутки при матери: она совершенно в других принципах – маменька из простоватых», – и повел наверх в королевскую ложу. «Не говорите также Немурскому – он совсем легитимист». При проходе нам попадалось несколько черных тюлевых юбок, богато вышитых разноцветными шелками, но на белых перкалевых подкладках выглядят серыми. Это уже мне говорил Морэн. Каков знаток! Он то же говорил и о красных юбках. В самом деле, платье из черных кружев, стоящее неимоверных денег, на красной атласной юбке, неприятным образом кидалось всем в глаза. Оно было надето на графине Самойловой, женщине развратной и невзрачной. Она, говорят, с собой привезла портрет во весь рост, писанный французским живописцем Брюло, совершенно неизвестным. Его по-русски зовут Брюлловым. Если будет время, надо посмотреть. Ему Анатолий заказал огромную картину – последний день Помпеи. Говорят, что он ее выставил вместе с портретом графини Самойловой; говорят также, что он уже за нее большую часть денег получил, но что русский царь берет ее в Эрмитаж. Это большая несправедливость. Королева бельгийская отличалась простотой своего наряда. Белое, вышитое золотом платье, на голове чудные бриллианты и ожерелье из бриллиантов, которое можно надевать в виде диадемы. Но мой туалет лучше всех, право, я не хвастаю. Это так и чувствуется. Королева Амелия мне это сама сказала, и очень милостиво, и с нежностью матери со мной долго разговаривала. Потом, подозвав королеву бельгийцев, меня ей представила. Она очень кажется грустной, верно, муж уж успел надоеть; он, кажется, очень скучный. Королева Амелия отвела меня в сторону, взяв под руку, совершенно по-дружески, и очень поблагодарила за диадему, особенно за то, что я обновила ее, не дожидаясь свадьбы. Слезы у ней навертывались на глаза.

– Вы можете поплатиться счастьем всей только что начинающейся жизни, – и вы решились на все! Я знаю, знаю, все знаю...

Какова дура в самом деле! Он все рассказал матери, мой бедный Цыпленок, чтобы поддержать с ней доверчивые отношения. Где тебе срывать розаны! Это дается редким избранникам, если не подвернется ловкий конюх. Говорят, будто это с ними часто водится; вероятно, конюшня помогает. Зачем это я все тебе говорю? Напиши, что ты об этом думаешь. Я, впрочем, описываю этот бал в передовых статьях и довольно подробно в «Дамском журнале» от 15 и 20 ноября. Ты удивляешься моей деятельностью? Жить надо. Вот уже около шести месяцев, что я промышляю статьями и рекламами в газетах о модных торговках. Я уже заработала около десяти тысяч франков и более, но все платьями и разными побрякушками. Жюль Жанен, Гино – мои приятели. Но это все не даром дается. Г. К«ерминьян» мне заказал приданое, на которое он определил тридцать тысяч франков. Сделал, ради моих забот, как можно

лучше. Я издержала десять тысяч своих, но в долг. Он остался очень доволен мною и заплатил долг. Опять повторяю, даром ничего не дается. Я три раза ходила с герцогом под руку. Я тебе говорю, что эффект превосходил мои ожидания. Между массой людей, которые толпились предо мною, я заметила одного старичка, который мне попался под ноги. Я спросила герцога: кто он такой? Он мне ответил:

– Князь Тюфякин. Любовник m-lle Марс.

– Да я его знаю, это мой друг, мы вместе ходили по Флоренции.

Герцог подвел меня к нему. Он очень обрадовался, когда узнал меня, и не верил глазам: так я выросла и похорошела. Герцог передал меня старому князю, который повел меня в ложу матери, рассыпаясь мелким бесом. «Я послезавтра выхожу замуж за нежно любимого человека», – сказала я ему. Он, вообрази, от ревности совсем побагровел и почти задохся от удушливого кашля; я с ним остановилась у одной ложи, чтобы дать ему отдохнуть. Он просил пригласить мать на вечер, но что-то очень морщился и взялся провести в ложу, но остановился, задыхаясь.

– Послезавтра, до свидания, я непременно буду у вас с моей матушкой, хоть на час времени.

Он давал вечер, на котором мне хотелось побывать. В это время подходил Демидов и взялся провести в ложу. Тюфякин жадно следил глазами за нами. Я часто осматривалась. Ты скажешь, как это все глупо; знаю, мой друг, но что же делать? Я быстро прошла в ложу, взяла мой маленький перламутровый бинокль и устремила мои взоры к ложе, где я его оставила. Он смотрел на меня с видом возбужденного сатира, лицо его засияло очень непривлекательной, старческой улыбкой. Мне было весело глядеть на него. Право, забавно кокетничать и с стариками, а пахнет сотнями тысяч. Когда я насладились его увлечением, я отошла в угол ложи и начала вести разговор с Анатодем, посматривая во все стороны и направляя мой бинокль на моего старика.

Он мне рассказал историю Самойловой и ее мужа. Муж вернулся с Кавказа и немедленно увидал, что жена его вовсе не церемонится: карета ее четверкой, с огромными гербами и парадными козлами, стояла целыми ночами у подъезда французского посла графа Лафероньера. Граф разошелся с женой. Чтобы объяснить разрыв, его старый метр-д'отель собрал ее письмо к Шарлю Лафероньеру, разорванное на клочки и валявшееся под столом, в котором она отменяла назначенное ему свиданье. Самойлов в день приезда привел в спальню жены, по кавказскому обычаю, трех своих конюшенных мальчиков и заставил графиню им служить. Что за изверг и какой грязный человек! Это письмо, тщательно склеенное, было представлено графу Бенкендорфу; Демидов сам его видел впоследствии у Самойлова. Самойлова нисколько не упала духом.

Я скоро увидела герцога, который стал меня спрашивать, чему я так смеялась с Демидовым, и мы снова спустились в зал. Он подвел меня опять к Тюфякину, с ним рядом стоял Монро или Монрон, право, не помню, только знаю, что он друг Талейрана. Мы разговорились втроем, но подошла известная лоретка Рондо, живущая с этим стариком. Я дернула живо герцога за руку, и мы пошли дальше. Дальше мы наткнулись на герцога Немурского, шедшего с Самойловой, глядевшей цыганкой и цветом лица и манерами. Герцог нас познакомил, и мы очень дружески сошлись. Она стала меня спрашивать, что мне говорил Демидов, и угадывала, что Демидов мне говорил о ней. Я ей со стиснутыми зубами процедила скороговоркой. Она рассмеялась и, пожав мне руку с загнутым средним пальцем, сказала: «Приезжайте в Милан. Это чудный город, вас там очень полюбят». Это решительно масонский знак. Я думала, что это у нас в пансионе только водится. Видно, и в большом свете это принято. Будем знать... Она мне сделала условный знак, говоря, что меня в Милане полюбят, и я ей ответила. Надо ли мне ехать или ожидать более формального приглашения?

– Она послезавтра выходит замуж, – сказал герцог.

– Очень сожалею вас, – сказала графиня и, подав мне руку, значительно повторила пожатие, и, вообрази себе, я нехотя повторила знак. Она на прощание сказала, сильно смеясь:

– Приезжайте отдохнуть в Милан. Вы не знаете, что это за город.

Что же, ведь, кажется, нужно поехать. Это дело чести. Мне встретился опять мой старик, и я пошла с ним. Мы наговорились вдвоем. «Развяжитесь с m-lle Марс. А потом мы поговорим». Встретив Демидова, я ушла с ним в ложу. Напиши мне, что ты думаешь о Милане. Или не стоит?

№ 7. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Париж. Понедельник, 11 ноября 1833 года

Я утопаю в блаженстве, а все-таки ожидаю с нетерпением, когда отдохну в твоих объятиях, моя ненаглядная Полина. Ты отворачиваешься от меня, право, напрасно. Поверь мне, я страстно люблю тебя. Мой жених приехал рано утром, около двенадцати часов. Я еще лежала в объятиях Морфея и, оправившись наскоро, приняла его в моей новой двуспальной кровати. Г. Керминьян и мой муж вошли вместе; мы дружески обнялись с Керминьяном, и я обвила шею моего мужа моими страстными руками, и мы опять были счастливы. Керминьян не выходил из комнаты, я уже догадывалась о его интимных от... кровь хлынула в виски. Старик мне натер виски одеколоном, и я... попросила его... Он приказал...

У меня две лошади, обе чудо как хороши. Лошадь, которая подана была жениху, взвилась на дыбы и делала страшные козлиные прыжки. Он слез с лошади и сказал, что пойдет пешком немного прогуляться. Я велела Женкинсону переседлать, но жених не согласился. Он, однако, сидит крепче на лошади, чем можно было ожидать. Я велела груму ехать за мной и поскакала по Елисейским полям и встретила опять с Анатодем. Он точно банный лист пристал ко мне. Поворотив в улицу де Берри, я увидела Тюфякина в своем саду, на террасе. Он мне сделал привет ручкой. Я немедленно остановила лошадь; лошадь взвилась на дыбы, и я очутилась на другой стороне чугунного забора. Тюфякин, когда прохаживается в своем саду, носит всегда феску паликара, по дружбе с Вьенне или с тех пор, как эрцгерцог Фердинанд, приняв его за графа Рибопьера, говорил ему о деятельности его во время восстановления Греции. Мне Демидов не мог точно объяснить его фески. Он, кажется, участвовал с графом Орловым в Архипелаге при Екатерине Великой. Он корчит из себя страшного филэллина, вот что верно. Просто умора. Надо его видеть в красной феске, как она ему к лицу. Он ужаснулся моему прыжку и что-то мне пробормотал. Но я, увидав m-lle Марс торжественно гуляющей вдоль дорожки и идущей прямо на меня, не говоря ни слова, проскакала в ворота. Анатоде меня ожидал у ворот. Вот неотвязчивый нахал.

Через час я вернулась домой совершенно освеженная. Раздеваясь, мне подали записку от Тюфякина. Я пробежала письмо, сильно пахнувшее пачули или вервеной, трудно разобрать. Я духов не терплю, и у меня едва голова опять не разболелась. Он мне писал: «Я разошелся с престарелой кокеткой и теперь мысленно у ног моей юной прелестницы и все, что имею, приношу к обворожительным вашим ножкам. Я всю ночь не спал и болен. Доктор запретил выходить. Я весь день дома. Заезжайте хотя на минутку». При этом включено было условие нотариальным порядком, в коем я приглашалась директрисой театрального училища. Я отдала моей девушке коротенькую записку: буду вечером около девяти часов. Вошла девушка и доложила, что придворный лакей ждет меня с пакетом, который ему лично велено передать. Он мне передал пакет с большою королевскою печатью и представил шнутовую книгу, в которой я должна была расписаться. Королева Амелия, поздравляя меня с наступающей свадьбой, приложила свадебный подарок. Я пересчитала их и расписалась в получении письма. Мой муж идет... как странно. Я его ожидала с необычным трепетом...

– Я получила приглашение князя поступить к нему в директрисы школы драматического пения и декламации. Посмотри условие, так ли оно? – спросила я у мужа. Мы уже две недели как обвенчаны граждански. Он прочел с вниманием и поцеловал меня с восторгом, взасос.

Я встала около восьми часов вечера. Велела себе подать бальное платье жонкиль с черными кружевами, надела черные шелковые чулки, очень изящно вышитые (прелесть что такое!) и черные атласные башмачки с двумя пришитыми бриллиантовыми застежками. Это наши бабушки называли в старину: полюбуйте.

Мне герцог сам сказал: «Эти два шатона вы можете носить как серьги или запонки». Я еще серег не надевала. Я боюсь смертельно проколоть мои уши. Мать говорит, что это все вздор, а бриллианты на башмаках носила и подвязки тоже. Попался, дружок, не суйся, когда не просят. Я вовсе и не думала о подвязках. Я их не ношу. Они оставляют очень неэстетичный след поверх колен.

В девять часов я застала Тюфякина не на шутку больного. Он мне объявил, что расстался с m-lle Марс; только тогда я позволила взять мои ноги в свои руки и тешиться ими сколько душе угодно. Не правда ли, я хорошо сделала? Что тут еще с церемониями, да вдобавок – он совершенный старик. Я это рассказала моей матери. Она мне сказала, что «это – ничего. Только не при людях, даже не перед слугами и служанками. Они ужасные сплетники. Их необходимо очень остерегаться. Я г. Керминьяну никаких вольностей не допускаю».

Он меня убеждал взять на себя роли шестидесятилетней девицы Марс для дружеских, интимных кружков.

– Я певицею не буду, а равная с равными – пожалуй. Я вам пропою, как и что умею. Учителя у меня были хорошие и денег не жалели.

Садясь за рояль с шикарным апломбом, я пропела модный романс. Слова и музыка были одного из моих учителей. Я ему пропела романс, мною сочиненный:

Все на мгновенье! Все на мгновенье!
Все в жизни, сверкая, Так с жизнью согласно
И счастье, и слава, Мы сделаем страстным,
И юность живая – Завидным, прекрасным
Длится мгновенье! Это мгновенье! и т. д.

Вслед за тем я ему пропела куплеты Альфреда де Мюссе «Маркиза», которые я; положила на музыку. Этот романс был в большой моде. Затем я ему прочла того же Альфреда де Мюссе «О чем мечтают молодые девушки».

– Мать моя, игравшая очень хорошо на любительских спектаклях в Лионе, прочтет разговор с молодой девушкой в «Опасных связях», если вы желаете, а я буду давать реплики, а не то я сама прочту; а она прочтет письмо к покидаемой женщине, продиктованное кокеткою. Она превосходно разыгрывает мелодраматические сцены. За это я не берусь. Я привезу барабан и скажу вам забавные куплеты после ужина.

Без папа, Свой досуг
Без мама, Провести у тебя
Без огня Без папа,
О, как сладко, Без мама,
Мой друг. Без огня.

Успех превзошел мои ожидания. Старик хлопал, восторгался и принес мне тридцать тысяч франков на предьявителя.

– Я вам каждый год буду платить сто тысяч франков, за год вперед. Условия мои и ваши: вы должны являться ежедневно, не исключая праздников и воскресений, к завтраку с часу до трех и к ужину до моего ухода; я ухожу спать в двенадцать часов, а по субботам после ужина, который длится полчаса и подается ровно в двенадцать. В случае болезни я сам буду к вам ездить и оставаться у вашей постели в урочное время. Не злоупотребляйте вашими нервами. Я этого не люблю. Остерегайтесь кокетничать с молодыми людьми. Я вам даю полную свободу, но с условием, чтобы я сам ничего не видел: это действует убийственно на мой астм. Зачем вы возитесь с Анатодем Демидовым? Он мне сродни, но я его никогда не принимаю, впрочем, я

никогда не принимаю молодых людей. Что это он вам рассказывал вчера на бале, чему вы так смеялись, сидя в углу ложи? Я все видел.

– Он меня смешил буржуазными туалетами жен и дочерей героев национальной гвардии. – Об анекдоте про Самойлову я умолчала.

– Завтра утром приходите в половине первого, в пеньюаре, совершенно запросто, а вечером на партию в пикет в вечернем туалете: мне никогда не известно заранее, когда у меня собираются приятели. Вы играете в пикет?

– В пикет кюре? Я часто играла, а чтоб записывать, никогда не умела.

– Это все равно, я вас выучу счету. А в вист играете ли втроем?

– И втроем умею, и играю порядочно.

Ты слишком рада всем моим успехам, чтобы не радоваться, читая мои письма. Теперь, когда у меня выгодное и штатное место, я совершенно остепенюсь. Цыпленка можно и долой, впрочем, мы еще подумаем. Старик такой царедворец, он, пожалуй, огорчится слишком резким удалением. Надо серьезно заняться театром. Он с охотой будет раза два ездить в театр. Впрочем, лучше не тревожить старика, а не то беду накликаем. Я уже сблизилась с Августиной Броган и буду нанимать Левассора. Напиши мне, что ты думаешь о театрах: брать ли с собою Тюфякина раза два в неделю, или реже, или вовсе не брать? Тюфякин хорошо знает матушку, когда она жила во Флоренции с покойным Демидовым.

– Вы тогда жили у Демидова на Итальянском бульваре, на углу улицы Тэтбу. Вы только что родились. Я тогда был здесь и останавливался у Демидова. Когда ваша матушка оправилась после родов, мы поехали к Демидову во Флоренцию, а вас оставили у кормилицы. Я вас оттуда сам привез в 1825 году. Вам тогда было пять лет, и до самой его смерти вы у него жили в доме во Флоренции до 1827 г. Я как теперь помню.

Она, по словам его, очень умная собеседница; никто лучше ее не умеет держать салона. С нею всегда и всем приятно. Я этого совсем не знала и, признаться сказать, ее немного стыдилась. На прощанье Тюфякин мне сказал, что его большой каменный дом в Москве купил какой-то профессор Погодин совершенно за бесценок.

– Ну, теперь пригодилось; я уже распорядюсь и внесу деньги на ваше имя, на текущий счет. Деньги только что переведены в Париж. Это вам на булавки.

Как русские щедры. Я, впрочем, не жалею, хотя у меня пропасть долгов. Павел Демидов, брат Анатоля, дал два года назад пособие французскому театру в сто тысяч франков по случаю революции. А моей матери отказал в ста тысячах франков на его долю. Она ему очень близка. Анатолий говорит, что он ей свою долю уплатит, если только старший брат даст пример. Мне это все рассказывал мой старик.

№ 8. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Париж. Вторник, 12 ноября 1833 года

Я велела себя разбудить в десять часов. Мы обвенчались, и к двум часам пополудни экипаж уже стоял у подъезда. Мой муж, действительно больной, харкал кровью, едва мог сесть к г. К(ерминьяну) в дорожную карету. Я сделала несколько необходимых визитов. Заехала к Самойловой. Не стоит выеденного яйца. Не знает, как выехать, сама говорит. Окончив ею визиты, я заехала около шести к графине Легон, это ее приемный день. Мы встретились с герцогом Орлеанским, графом Морни, Анатодем Демидовым, который неотступно приставал ко мне, напоминая вздорное обещание, сделанное в шутку, когда мы скакали вместе.

– Я, право, по совести, не могу, ведь я ваша сестра. Мне мать проговорила.

На мне была розовая шляпа с двумя страусовыми розовыми перьями, платье черное, тюлевое, спереди пять бантов, которые опускались на лентах розового цвета, и по обеим сторонам двойной рюш, по талии продолжался тот же рюш, также двойной, но в один ряд, по плечам и вокруг шеи тот же двойной рюш, юбка атласная розовая. Рукава по локти в обтяжку, сверху очень широкие, в два буфа. Ты себе представить не можешь, как мне это было к лицу. В семь часов я поехала домой, не дав никому обещания.

На Анатоля Демидова я не на шутку была сердита. Демидов не сын своего отца: он сын князя Василия Трубецкого. А я от кого иду, от князя Трубецкого или от барона Строганова или от домашнего секретаря Демидова – я до сих пор не могу допытаться. Луиза Мейер говорит, что я дочь Мейера, ее двоюродного брата; кому лучше знать, как не ей... Я с ним была бы счастлива. Он словно мой футляр, точно по мерке сделан.

Герцог меня проводил до кареты, и я обещала ему быть завтра в ателье на улице Сент-Оноре в третьем часу или позже.

– Я буду за уроком с двух часов и вас буду ждать с нетерпением.

Я с матерью была в Палэ Рояль, давали «Вертер». Дежазе удивительно хороша. Мне очень было досадно уехать из театра. Но, увы, надо было не опоздать на службу. Лафит был при моем венчании. Он сказал Жиске, чтоб тот не трогал Коссидьера. Я его благодарила улыбкой за его вмешательство.

№ 9. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ

Париж. Среда, 13 ноября 1833 года

Я премило провела утро с герцогом Орлеанским. Я угадала его приход и мать услала по магазинам и никого не велела принимать. Вечером я опять отправилась с матушкой в Палэ Рояль. Давали «Дочь Доминика» с Дежазе и Левассором. Я приехала к Тюфякину в исходе десятого часа. Тюфякин ждал на лестнице в ужасной ажитации. Он разослал своих лакеев на все перекрестки. Это несносное насилие. Я расплакалась и вспылила не на шутку. Тюфякин так испугался, что никого не велел принимать. Я ему сквозь слезы сказала, что моя мать приедет из театра и герцог Орлеанский, которого я пригласила. Я засадила мать в пикет, села за клавикуды и наигрывала арии Дежазе, распевая их по памяти. Мы сыграли с герцогом три роббера. Тюфякин был очень тронут, видя меня совершенно успокоившуюся. Герцог спросил у меня, сажая нас в карету, не поздно ли будет, если он приедет ко мне кончить свой вечер.

– Не слишком ли часто будет? впрочем, приезжайте, – сказала я ему, – я всегда счастлива видеть ваше высочество, – и, со свойственной мне скромностью, потупила взоры и вся покраснелась.

Не правда ли, как мило? Я сказала матери, что герцог едет за нами, мать на дыбы. Я объяснилась с герцогом и, потихоньку от матери, через двадцать минут вернулась к нему, и мы поехали на улицу Сент-Оноре, № 13.

Я звонила у подъезда во всю мочь. Наконец пришла m-ле Прево. «Вы вечно спите, теперь убирайтесь к черту, сапрости, прошу не спать, я сонных терпеть не могу», – и, слегка подняв ногу, толкнула ее в зад. Ты удивляешься моему таланту разнообразить и заинтересовывать своими глупыми, самыми балаганными сценами? Ты заметила сцену, которой я начинаю письмо, и сцену, которой я его оканчиваю? Человеческой глупости нет пределов.

№ 10

Париж. Четверг, 14 ноября 1833 года

Я имела неимоверный успех, все старики восторженно хлопали, я их остановила одним взглядом, но их энтузиазму не было перерыву. Какие знатоки собрались у Тю-фякина! Они каждую ноту умели оценить. После ужина я потихоньку встала и, переодевшись вивандьеркой, в красной, очень коротенькой юбке (я так выросла, помнишь ту юбку, которую я надевала в прошлом году?), выступила с барабанным боем, застав их еще за ужином, и речитативом им произнесла: «Без папа, без мама, без огня». Изумлению их не было границ. Три иностранные князя просили меня им пропеть «Марсельезу», которую я им пропела с неимоверным воодушевлением. Эти три австрийские князя были крайне возбуждены и успокоились, когда я им пропела во второй раз «Идемте, дети отечества». Они целовали мои руки и сулили золотые горы, но когда я сделала вид, что склоняюсь на их предложения, то один за другим принимали вид, точно проглотили горячую воду. Эти три австрийские князя, я их назову тебе, а то, пожалуй, не упомяну. Вот их имена: князь Роган Рошфор, князь Когари и князь Дидрих-штейн. Все трое из Вены. Они все трое весьма еще бодрые старики. Тут был крайне привязчивый старик с отвисшей губой, Александр Тургенев. Ему только пятьдесят лет. Он очень умен и занимается разысканиями в наших архивах. Поздравляю его и желаю ему много счастья, а меня бы оставил в покое. Одни из них почти никогда, а многие уже несколько лет как не посещают театров. На вечере были два князя Роган (один из них Гемене), князь Крой-Гавре; князь Роган Гемене вернулся из Лондона и туда же опять уезжает. Он звал меня на семейный обед через три дня. Непременно поеду, но петь не буду. Им шестерым было около пятисот лет. Мой Тюфякин без ревности смотрел на их ухаживания. Однако когда Роган Гемене взял мою ножку и поднес ее к губам, то он сильно закашлялся. Полез за моей ножкой и князь Крой-Гавре, но сам чуть-чуть не задохся. Из остальных приглашенных я припоминаю графа Жерсей, генерала, имя которого я совершенно забыла, кажется, виконт Лагамелиней, граф Партуно Гомар, который отозвался с большим уважением о трудах мужа. Ему вторил Гумбольдт, говоря о моем муже, как о новом светиле; мне очень польстили их похвалы, и когда, сойдя с лестницы, я давала моему лакею ногу, чтобы он надел дульеты, то сам Гумбольдт, с живостью молодого человека, выхватил дульету у лакея, надел бережливо одну из них, а Гомар взял другую, любуясь ими и ожидая очереди. Гомар спросил меня, сколько я буду брать за мой вечер.

– Четыре тысячи франков за час, с каждого слушателя.

И, вообрази, на другой день посыпались карточки с приглашениями на обеды. Также звали три австрийские князя. Верно, цена подходящая.

Жиске, префект полиции, хотя ему было с небольшим сорок лет, несмотря на молодые годы, был приглашен на вечер. Он до глубины сердца тронул меня тем неподдельным восторгом, с которым слушал меня и видимо любовался мной, и проводил нас до кареты. Через несколько минут карета остановилась, и мой Жиске впрыгнул в нее с отвагой пожарного. Старики правы, не приглашая людей моложе их на свои вечера. Я очень обрадовалась ему и усадила напротив себя, рядом с матерью. Я всегда езжу в четвероместной карете, чтоб платья не съезжались и не мялись, и я охотно отдала ему мою ногу на съеденье, затем обе. Мать моя дремала или казалась спящей. Он у меня оставался до трех часов утра. Я очень люблю Жиске, он мой самый верный друг, и всю полицию его обожаю. Я переговорила с ним о затеваемой школе для князя Тюфякина. Первоначальную мысль он совершенно одобрил; это единственное средство развлечь старика. Он мне посоветовал обратиться к Луизе Мейер в улице Сен-Мартэн, № 22, отдающей клавикорды напрокат, продающей ношенные платья, всякий хлам и т. д.

– Поручите ей вести дело. Это женщина примерной честности, она берет десять процентов, работает за десятерых, бьется из-за каждой копейки и в каждой копейке вам отдаст отчет. Вы останетесь довольны. Вы будете иметь меньше забот, содержание вам обойдется несравненно дешевле и вам не будет никаких хлопот. Как практично!

№ 11

Понедельник, 25 декабря (1833 года)

Я увезла с собой Полину на пятнадцать дней. Мы сегодня танцуем у Тюфякина. Я увожу Полину каждую субботу вечером. Она у меня гостит до утра понедельника. Когда бал у Тюфякина, то я отвожу ее во вторник.

№ 12

4, 5, II, 12, 18, 19, 25, 26 января 1834 года

С каким нетерпением я ожидаю этих дней. Я, однако, хожу дежурить исправно к Тюфякину. 13-го и 27-го мы танцуем. Полина всем нравится. Я была на бале королевы бельгийской. Так много было выпито на этом бале, что король запретил подавагъ вина на балах.

№ 13

Февраль 1, 2, 8, 9, 15, 16, 22, 23

Все эти вечера мы проводим у Тюфякина и заходим иногда днем. Полина очень мила и совсем обворожила старика. 10-го бал у Тюфякина.

№ 14. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Среда, 12 февраля 1834 года

Как скучно, что ты нездорова. Масленица в разгаре, по милости лорда Сеймура, бульвары кишат народом. Много верхом, в самых разнообразных костюмах. Экипажи лорда Сеймура тянутся один за другим и переполнены замаскированными молодыми людьми, которые несколько раз проехали между двух рядов экипажей, бросая конфетти и муку в народ и даже в мой брег. Я тут очень чинно сидела около бульваров. Покрытые с головы до ног мукой, мы пожелали позабавиться и сами. Я не вытерпела и просила лорда покутить с ним вместе. Он нас принял очень охотно, но с условием, что я допущу моих замаскированных воспитанниц, разумеется, с Луизой Мейер, присоединиться к нам. Мы разместились наудачу, но попарно, каждый кавалер имел свою даму. Мы часто менялись. Мы все одеты были дебардерами, как и ученицы мои; одна Луиза Мейер одета была Пьерро. Мы неистовствовали так, что лучше выдумать трудно. Демидов, одетый весь в розовом атласном жюстокоре, галопировал на белой лошади, кидаясь во все стороны со своей мукой, так что лошадь пала под ним, и мы его приняли в наш экипаж с криком неподдельной радости.

Мы кутили целых три дня, так что я могла едва выспаться к отправке из Куртильи. Я некоторых из них нарядила в костюм французской гвардии. Мы, миновав заставу, попали в Гран-Сен-Мартэн, загородный трактир, содержимый Денойэ. Давка была ужасная. Моим девочкам бока порядочно намяли, пока они нас оберегали. Мы толкались по этим бастрингам и ничего замечательного не видели. Я видела как сквозь сон быка, шествующего в Палэ Рояль, окруженного несметной толпой с трубачами впереди. Их, говорят, встречает в Палэ Рояле герцог Орлеанский и завтракает с этой толпой. Я вовсе не желала его видеть. Я спросила сержанта, где же настоящий канкан, и, подобрав юбки, сделала ему мое пресловутое па.

– Я приехала сюда и хочу видеть «бурный тюльпан». Мне сержант отвечал:

– В участке, прекрасная дама.

Вот единственно умная вещь, которую мне удалось слышать в течение всей длинной ночи. Две из наших дам повздорили (герцогиня Д. и графиня Легон) из-за какого-то школьника). Это было в «Ванданж де Бургонь» Сцену эту будто бы предсказывает Люше в книге «Сто один», за год назад, в 1833 году. Лорд Сеймур протестовал против этого описания; взялись исполнить его программу (лорд Сеймур протестовал против некоторых неточных подробностей). Этот молодой мальчик оказался бароном де Шассирон, ему едва шестнадцать лет; он нас очень забавлял, выделявая действительно невозможные фигуры им представляемого Христофа Колумба с графиней Легон. Не знаю, право, мы ли исполняли программу Люше или это было в воздухе самых заведений. Герцогиня Д. уехала в слезах, получив здоровенную оплеуху. На другой день Тюфякин мне задал порядочный нагоняй. Дело почти доходило до разрыва. Я ему объясняла, что взяла мою школу, чтобы они ознакомились с *mise en scene*, что я их взяла с собой, чтобы он не подумал ничего дурного – и разревелась, как ребенок. Тут мой добрый старик растрогался и сказал мне:

– Я вам все, кажется, позволяю, но не таскайтесь, ради бога, по грязным трактирам.

№ 15

Март 1, 2, 8, 9, 15, 16, 22, 23, 29 и 30

... бал. Мы праздновали масленицу – до 9 марта, а начали 9 февраля. Я весь месяц провела с графом Велевским. Он вернулся из Алжира героем. Он поляк и сын Наполеона и вальсирует как бог. Герцог Орлеанский дуется, герцог Немурский жметя, точно аршин проглотил, Морни сбежал, д'Альбон мне наговорил дерзостей: у него на другой день была дуэль с Лютероде. Лютероде очень гордится, что ходит с подвязанной рукой, я его вожу в моей коляске по Елисейским полям. Тюфякин читает мораль, но ничего не берет: мои паутинные нити перепутались. Оно так и следует. 10-го Полина вернулась с отцом. Он мне не на шутку куры строит. Милости просим. Он мне подарил сорок тысяч франков за мои хлопоты и заботы о дочери. Это гораздо остроумней всей остальной масленицы. Кажется, графиню Л'егон» пригласили уехать в Брюссель, чтобы дать успокоиться скандалу. К счастью, я все время не снимала маски, хотя было очень душно.

№ 16. ГРАФИНЕ ЛЕГОН В БРЮССЕЛЬ

Понедельник, 10 марта 1834 года

Я была нынче в театре, давали «Дон-Жуан». Вид зала был очень хорош, и туалеты отличались истинной роскошью; королева имела бархатный пунцовый ток. Она меня вызвала в свою ложу и хвалила мой туалет: платье из крепа жонкиль, юбка, разрезанная спереди и закрепленная букетами из анютиных глазок; их было пять по лифу; в промежутках виднелась атласная юбка жонкиль; рукава в три буфа, лиф с мысом, образованным эмалевыми пуговицами фиолетового цвета, вокруг осыпанных бриллиантами; на голове шнурок из фиалок, и в косу была вдернута бриллиантовая эгрета. Она не могла налюбоваться моим туалетом; она знала, что это герцогу ничего не стоит, а крупных и мелких бриллиантов у меня было на сорок тысяч франков. Она воображала, что я влюблена в него по уши. Я ей сказала, что бриллианты – подарок моей матери. Я из театра повезла с собой Полину, и мы плясали до упаду. Бедный Тюфякин приходил и спрашивал у моих танцоров, скоро ли кончится бал. Меня он и не спрашивал, боясь, что я этим огорчусь. После финального канкана я велела играть котильон. Истощенный вид Тюфякина не помешал ему нас встретить с сладострастной улыбкой, когда мы подошли к нему втроем: герцогиня Валенсей, Полина Мюель и я. Выбор пал на Полину Мюель, которая с сияющей улыбкой, взяв его под руку, отправилась с ним в кабинет. Она все это даром проделывает. Она просто душка. Граф Валевский со мной вальсировал до упаду. Когда музыканты заиграли мазурку вслед за котильоном, я думала, что Тюфякину дурно сделается. Он Валевского не жалует и боится, что его Николай из Парижа отзовет. Ну, так что же, я с тобой в Петербург охотно поеду.

№ 17

Апреля 5, 6, 12, 13, 19, 20, 26, 27

7, понедельник

После бала мы поехали верхом с Полиной. Время было чудное. 13-го апреля мы поехали в Консерваторию с герцогиней Брольи смотреть чудную девушку. Мне очень хотелось ее завербовать в школу Тюфякина. Оттуда мы заехали вместе в мастерскую Давида д'Анжер; он лепил статую г-жи Сталь, матери герцогини. Она говорит, что мать ее точно живая. Около двух часов мы ездили слушать немецкого проповедника в Тембль де Биллет. Проезжая улицу Сен-Дени, мы повернули в улицу Урс и Грень-Сен-Лазар. Мы увидели воздвигающуюся баррикаду около улицы Мобие и снова наткнулись на баррикады; мы свернули вправо, так и не слышав знаменитого проповедника.

20, воскресенье

Мы опять поехали к Давиду д'Анжер. Склад моего ума и моя манера держать себя ей живо напоминали мать. Я драпировалась в шаль г-жи Сталь и приняла ее позу по указанию герцогини. Вошел знаменитый Араго; я продолжала рассказывать наши приключения на прошедшей неделе.

21, понедельник

Я много вальсировала с Валевским. Я полагала, что одержала верх над моей чувственностью. Но, увы, мои добрые пожелания обратились в дым. – Проповедника, которого мне не удалось услышать в Тембль де Биллет, зовут, кажется, Мундт.

№ 18

Май 3, 4, 10, 11, 17, 18, 24, 25, 13

5 и 19

После бала мы каждый раз ездили верхом вчетвером, с Валевским и Морни, который приютился к Полине. Он бы рад жениться на ней, но отец не отдаст за него и хорошо сделает. Он что ни на есть хлыщ большого света.

№ 19

Июня 1-20

Мы эти два дня провели вместе, я только ходила с Полиной к Тюфякину, Полина уехала с отцом в Эпиналь. Наше прощанье было раздирательным.

№ 20. ПОЛИНЕ «МЮЕЛЬ»

Париж. Понедельник, 2 июня 1834 года

Душка ты моя, как грустно без тебя. Что тебе делать в твоём скучном Эпинале? Приезжай лучше в Компьен. Мы весело заживем, у меня дача прекрасная, близ леса. Мы переезжаем через десять дней. Но не пугайся, у старика своя дача: его вилла за две версты от моей дачи. Мой предмет теперь герцог Немурский. Я люблю его несравненно больше, чем большого Цыпенка, которого отпустила на время в отпуск; пусть ходит в школу графини Лёгон). Ему это нужно; пусть попробует. Герцог Немурский горячо взялся поправить мои дела в Мартинике. Граф Дюшатель принялся за дело и отстаивает наши интересы. Оно не только ничего не будет стоить правительству, но сэкономит еще несколько миллионов субсидий, платимых туземным сахарозаводчикам. Я поручила г. Риду осмотреть мои плантации и представить планы. Тюфякин взял на себя все расходы на поездку. Скажи отцу, чтобы он тебя привез, скажи ему, что я о том прошу его на коленях. Моя мать и во сне бредит о моем величии. Она все воображала, что я выйду замуж за Демидова, и так ему надоела, что он, избегая наш дом до свадьбы, совсем отвык к нам ходить. И бог с ним. Тюфякин также его терпеть не может.

Я обязана г. Геллю знакомством с графиней Суза. Это чудная женщина, она так восхищается моими стихотворениями, доселе не изданными. Ей было более семидесяти лет, когда мы познакомились. Я часто обедаю у нее и провожу с ней вечера до восьми часов. Граф Морни вдается в религию. Мы втроем читаем одного из отцов церкви. Когда я уйду пораньше, то Морни меня провожает пешком по Елисейским полям до дому, куда я спешу, чтобы переодеться. В двенадцать, когда я возвращаюсь, расфранченная, от князя Тюфякина, я часто встречаю Морни на нашей улице, ожидающего моего возвращения. Ты не можешь себе представить, как это меня трогает. Он много говорит с г. Керминьяном о своих плантациях свекловицы и читает ему свои записки. Жиске ему советовал устроить свеклосахарный завод в большом виде. Они так много об этом говорили, что я во сне видела, как из большущей свеклы я сама вывожу на огне расплавленный сахар. Когда я им рассказывала мой сон, они помирали со смеху; сон повторяется очень часто. Уж не несчастье ли какое-нибудь? Матью де Домбаль и генерал Бюжо постоянно приводятся этими господами как авторитеты. Я молчу и думаю про себя, сколько я теряю с моими невольниками в Мартинике. Я сильно работаю в пользу уничтожения субсидий, платимых правительством в пользу туземных сахарозаводчиков. Они все поставят вверх дном и нарушат порядок, устроенный самой природой. Я нашла у моего Тюфякина брошюру четырнадцатого года «Три послания о Николае Бонапарте»:

Сдавите, заставьте бродить свекловичный сок,
Все вино в погребах обратите в сироп –
И получите сахар. Вы кофе хотите,
Бобы и цикорий тогда обожгите –
И Мокко чистейший получите вы.
Триумфа искусства достигнули мы.

Морни почти каждый день ходит к нам и понимает совершенно мои отношения к Тюфякину, и я так привыкла к нему, что, думаю, очень бы полюбила его. Досадно, что его интересы заставляют его поддерживать партию, враждебную нашим колониям. Моя мать часто уезжает в Лион, г. Керминьян навещает нас изредка и останавливается в отеле «Мирабо». Мой муж еще реже посещает меня. Он был в Париже всего два раза по два дня в течение шести месяцев: один – при отъезде в Марсель и раз при переезде из Вьена в Куломье. Моя мать не унывает и явно, хотя заочно, покровительствует Анатолю. Она желает разжечь мою страсть к нему. Не

понимаю ее расчета. Понимаешь ли ты что-нибудь? Я его ненавижу, потому что он не захотел жениться на мне. Я с ним была бы верная жена. Я так боюсь его.

Моя мать купила альбом Шеффера, не настоящего: «Что говорят и что думают», где я представлена на бале, кажется, в 1832 г., в пансионе. Я имела с Демидовым очень мне памятный разговор. Он просил моей руки. Я тогда думала, что мы – родные, мы себя держали совершенно как брат и сестра. Я вклеила на память лист из альбома, а остальные изорвала на папильотки. Моя мать, так ему надоедавшая прежде, возвратясь из Лиона, мелким бесом распинается перед ним. Он ей дарил пустяки, но, однако, ценные. Я и бровью не моргнула. При посещении г. Гелля моя мать еще более возненавидела его. Я страстно его любила и на два дня заперлась с ним вместе, никого не допуская, кроме моей девушки.

На третий день мой бедный муж имел сильный припадок кровавого поноса, с корчей в кишках, и уехал, опять харкая кровью. Моя мать в остервенении его ругала всячески за то, что он видимо притворяется и выеденного яйца не стоит. Доктора решили, что нам надобно иметь две спальни и что лучшее, что можно придумать, это нас отделить морем. Я была в оцепенении. С десятого года я была одержима припадками чувственности. Замужество казалось исходом для моих припадков, ниспосланным провидением, которое сжалилось как будто, видя мои мученья. И вотжданная свадьба открыла настежь обе двери для приключений. Моя мать бранила мужа на всех перекрестках, но он весьма понравился Тюфякину, который пригласил его на партию виста, Морни также, а карточку Демидова он отослал назад. Демидов для твоего приезда мне подарил очень красивую лошадь. Ее зовут Джипси, очень смирна, а рысью бежит отлично.

№ 21. ГРАФИНЕ ЛЕГОНЪ

(Доставлено ею в префектуру в 1836 году и возвращено мне г. Жиске в том же году)

Понедельник, Компьен, 14 июля 1834 года

Я часто виделась с герцогом Немурским с отъезда в Компьен, где он стоял в лагерях. Я его раньше принимала в том же ателье по улице Сент-Оноре. Я долго страдать не умею; заметив волокитство герцога Орлеанского за женщиной, с которой я очень дружна, я с ним объяснилась откровенно, и мы расстались добрыми друзьями. Я вовсе не привязывалась к мужчинам и этим именно брала. Меня считали совершенной дурочкой, и все охотно шли на меня. Правда, я в первое время очень страдала, и герцог Немурский сжалился надо мною. Он был моим конфидендом во время моих интимных отношений к герцогу, и мы часто говорили о нем. Я восемь месяцев провела с ним. Чего же больше?

Герцог Немурский давал большой обед в замке, чтобы взбрызнуть свои генеральские эполеты. В тот же день я совершенно случайно собрала моих школьных товарищей в Компьенском лесу. Они еще все были в пансионе. Полина Мюель, девицы Фульд, Оппенгейм и мисс Марианна Эллис. Девица Каstellлан одна воспитывалась, как птица. Они все собрались на несколько дней у г-жи Андерсон, имевшей свою девочку в том же пансионе. Я одна была замужняя. Я не говорю о г-же Андерсон, которая видала виды: она постоянно нам говорила, что император Николай, будучи великим князем, отличил ее на бале в Эдинбурге. Это было, кажется, в двенадцатых годах или, пожалуй, еще ранее, и она намекала нам, что это было не простое ухаживание и что она вынуждена была пойти замуж за мистера Андерсона, который был простой смертный, но имевший значительные деньги.

Я была в полном смысле маленькой царицей в нашем маленьком обществе. Герцог Немурский, лорд Дуглас, сын герцога Гамильтона, лорд Педжет, третий сын маркиза Англезей, подполковник Негрие, Эдгар Ней, молодой Пажоль прибежали к нам после обеда, немного навеселе. Мы уже были отчасти готовы. Великолепный полдник был сервирован нам королевскими служителями. Шампанское и херес наполняли наши бокалы. Много было паштетов, омаров и особенно много соленых закусок, которые заставляли пить. Г-жа Андерсон напилась до положения риз, одна из первых. Эдгар Ней и Пажоль ухаживали за ней под пьяную руку и осушали втроем одну бутылку за другой отличного хереса. Мы все затем разбрелись по парку. Эдгар Ней с m-me Андерсон, а Пажоль с ее десятилетней дочерью пошли в лес. Я их более не видала до двух часов утра. Евгений Лами, который один с нами полдничал, до прихода прочих кавалеров чертил наши портреты для альбома герцога.

Мои маленькие пансионерки разболтались с герцогом. Он спросил, кто выдумал метр и децимальную систему. Эти маленькие каналы отвечали в один голос: Адам хотел метр, а Ева сантиметр. Я увела с досадой герцога и дала ему почувствовать, что стыдно Бурбонскому принцу кощунствовать над несчастной принцессой. Он согласился, но, уходя, обратился к девице Каstellлан (отдавая ей предпочтение, видно потому, что воспитывалась в Сакре-Кёр):

– Почему Зонтаг родила мулата?

– Оттого, что она попробовала уксуса, – отвечала негодница, нимало не конфузясь. Эта глупая шутка, которая всем школьникам и школьницам досыта известна, меня взорвала. Подобных вещей нельзя говорить при мужчинах. Шутка площадная вертелась на слове: уксус. Я уверена, что ни малейшего мулата девица Зонтаг никогда не родила. Они все были навеселе, да и я сама была навеселе, но из этого не следует позволять себе такую невоздержанность в речах. Я заплакала; со мной сделался нервный припадок. Я с трудом держалась на ногах. Герцог наконец сжалился надо мной, и мы удалились в лес. Я с трудом приходила в себя, и то ради герцога, который старался меня рассмешить. Однако в восемь часов я рассталась с веселой

компанией и поехала одеваться, чтобы явиться на службу к моему князю. В бальном платье, с обнаженными плечами, накинув мантилью, я вернулась в парк и нашла моих подруг сидящими за ужином и несущими такой вздор, что в голову не полезет трезвому. Я мигнула герцогу и уехала с ним вместе.

Часа в три вернулась Полина Мюель; она взяла ванну, велела себе подать амазонку и седлать лошадей. Разговор с Женкинсоном был неумолкаем и казался очень интимен; меня отделяла от них только перегородка. Я пока у себя держу мою школу и их муштрую; они очень порядочно начинают петь и прислуживать около меня. Им-таки порядочно достается. Я и забавляясь не люблю шутить. Женкинсон преотличная бестия. Он все вьется около моих девчонок, а за Полину я просто боюсь. Кажется, ничего интересного не забыто, а Полине пора вернуться к отцу.... Я при переезде в Париж избавлюсь от моих девчонок и сдам их Луизе Мейер. Они слишком расположены к шалостям: я их, видно, слишком балую и присмотра мало. Напиши мне тотчас пообстоятельнее все, что можно, за и против, все, что ты об этом думаешь.

№ 22. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ В ЭПИНАЛЬ

(Писано под диктовку г(ерцога) Н(емурского) и им самим исправленное. Храню, как автограф)

Пятница, 22 августа 1834 года. Нельи

Нежно тебя обнимаю, моя добрая Полина, моя возлюбленная, моя избранная сестра!

Мы получили приглашение в Нельи. Вообрази, какая радость! Тюфякин приободрился; он все время занимался моими туалетами, которые мы взяли с собой. Я помещена буду в самой башне, известной под именем Радоде, Тюфякин – в парке, в Голландском доме, расположенном в полуверсте или еще ближе. Мы приехали вечером 14-го, в пятницу, каждый в своем дормезе. На другой день мы слушали обедню в дворцовой капелле. Склонясь на колени, я долго молилась пресвятой деве за короля, королеву, за весь королевский дом, за себя, многогрешную, за тебя, чтобы пресвятая дева ниспослала все счастье, которое ты заслуживаешь. Когда я встала, я увидела строгий взгляд королевы – верно, не в этикете: я слишком долго стояла преклоненной. Много было приглашенных к вечеру. Я читала «О чем мечтают молодые девушки», играла на клавикордах в четыре руки с Тальбергом, пела «Маркизу» того же Альфреда де Мюссе и играла на барабане марш, который играли, когда король шел в атаку при Жемаппе и Вальми. Вот уже неделя, как я вижу, что есть счастье на земле. Все меня ласкают, даже король, а это редко бывает. Король мне говорил с большим уважением об опекуне моем, г. Керминьяне. Принцесса Аделаида, услышав это, мне милостиво сказала: «Большое счастье иметь такого искусного и ловкого опекуна». Вот единственные слова, которые я удостоилась выслушать в течение недели от, е«е» к«оролевского» в«ысочества». Князь утопает среди королевских милостей и очень мил. Я очень начинаю любить старика и оценивать его достоинства. Королева очень желала меня удержать до дня св. Людовика. Он меня отпустил на четыре дня. Как тебе это кажется? Ему бы следовало просто приказать, как я говорила, но королева так совестлива. Подполковник Серрюрье уезжал в лагерь. Я его очень просила позаботиться о старике. Я сделала все приготовления для торжества. Я отыскала в библиотеке панегирики в честь св. Людовика, которые ежегодно читались в Академии в этот день, я отыскала целую поэму, восхваляющую подвиги св. Людовика, отца Лемуана, все это печаталось еще до революции. Я так наловчилась писать экстракты в школе, что затруднений не нашла. Речью остались весьма довольны. Я просила позволения ходить в манеж, чтобы упражняться на барабане. Марш на взятие Трира понравился очень принцессам. Так и слышится, что бой упорен. Для всех других я держу в тайне. Нежно тебя обнимаю.

Твоя Адель.

Я ужасно задолжала и не знаю, как быть. Я должна сорок тысяч франков, не поможет ли твой отец? Впрочем, не говори ему ни слова о деньгах, я постараюсь занять у Тюфякина или займу у Ротшильда, что то же самое.

№ 23. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ В ЭПИНАЛЬ

Четверг, 28 августа 1834 года. Компьен

Душка ты моя, несравненная моя Полина. Ты верно думаешь, что я в сумасшедшем доме, получив мое письмо от 22-го. Так надо было. В Нельи, вообще при королевской квартире, существует черный кабинет; тут все письма пересматриваются, и содержание их доводится до сведения короля. Хороша я была бы, если бы пустилась на откровенность! Я это знаю наивернейшим образом: это мне сказал сам герцог. Он мне диктовал мое письмо к тебе от 22 августа и взвешивал каждое выражение. Он такой душка, и всему он цену знает. Он насчитал, что мне стоит его любовь: я более десяти тысяч франков издержала на мои туалеты, находясь в Нельи, и более сорока тысяч франков в Компьене, в четыре месяца; он говорит, что эти деньги вернет с излишком, когда вернется в Париж. Он мне продиктовал письмо к нему, которое я должна отправить из Компьена. Я ему откровенно сознавалась в издержанных деньгах в течение четырех месяцев и просила его прислать мне сорок тысяч франков, а шестьдесят вы получите от меня. Мы вместе хохотали от души при мысли, что письмо мое попадет в руки короля. Я очень весело провела время; все, даже король, были крайне любезны со мною. Между чудными подарками я получила от королевы очень богатый браслет с бриллиантами чистойшей воды. Принцесса Аделаида подарила мне четыре вазы с портретами четырех сестер, любовниц короля Людовика XV. Вазы очень хороши. Она мне подарила их сначала две, на другой день моего представления, а потом прислала две другие: две синие и две зеленые. Принцесса говорит, что они расписаны до революции. К этому времени принадлежат сами вазы en patte tendre и декоры, которые писаны золотом; это мне сам кроньяр говорил. Медальоны писаны Константэном, два же портрета – Марешалом; эти медальоны были расписаны цветами. Что за варварство! Они теперь ничего не стоят. Броньяр говорит, что он, пожалуй, их даром возьмет для музея, и приходил даже просить об этом принцессу. Хорош гусь! Принцесса Аделаида предпочла отдать их мне, говоря: «Это за удовольствие, доставленное королю и мне вашей игрой на барабане». Эти две вазы мне подарены, не без эпиграммы, как и первые. Мы встретились у манежа; я разговаривала с юным принцем Жуанвильским, который мне очень нравится; я им непременно займусь нынешней зимой. Принцесса Аделаида подозвала меня и сказала вполголоса, тоном очень дружеским: «Не отвлекайте юношу, ему учиться надо». Я не была дома десяти минут, как лакей принцессы принес мне от нее в подарок две вазы. Это мне напоминает, что я тебе не рассказывала про манеж. Я туда хожу, когда имею время, иногда два раза в день, упражняться на барабане. Во дворце невозможно. А здесь я играю и упражняюсь вдоволь, никто мне не мешает, и я никому не мешаю. Я играю тот пресловутый марш, когда король атакует при Жемаппе и отбивается при Вальми. Король в день св. Людовика беспрестанно приговаривал, приходя каждый раз в восторг: «Да, это так было – и тут начал накрапывать дождь. Вы точно сами видели дело. Так и слышно, что дождь идет. Наполеон в честь этого дня пожаловал Келлермана титулом герцога Вальми. А я обе атаки вел в том и другом деле. На нашей улице тогда был праздник. Я тогда с Дюмурье должен был бежать». Я, ходя в манеж, по нескольку раз в день, чтобы упражняться в барабанном бое, наслышалась, как конюха, задавая овес, наигрывали поутру Вальми и к вечеру Жемапп.

– Да это все одно и то же.

– Нет, моя добрая дама, – говорил старый конюх, – есть разница: к вечеру пошел дождь, к вечеру и барабанный бой стал глухо отзывать.

Он мне и дал мотив, который я тут же набарабанила, следуя моему воображению.

Я тебе опишу мои туалеты, которые я надевала 25-го августа. Я очень хорошо сделала, что привезла с собой своё гродетуровое платье, светло-серое. Я его окоротила немного ниже колен, по совету герцога. Надела шелковые светло-серые ажурные чулки, вышитые букетами, и

башмаки атласные, того же нюансу. Платье мое было открытое. На голову я приготовила голубой берет с тремя белыми перьями; другой берет, зеленый, герцог решительно отверг. Большое затруднение в выборе широкой ленты или шарфа для надевания через плечо – это давало вид воинственный, что необходимо было для взятия Трира, Жемаппа и Вальми. Я выбрала зеленый, очень широкий кушак; герцог его забраковал, потому что этот цвет герцогини Беррийской. «Он очень не понравится отцу». Я предложила красный бархатный шарф. Герцог и этот забраковал, как совершенно негодный. Я ему показала синий и фиолетовый кушаки с пчелами, вышитыми золотом. – «Это слишком напоминает Наполеона. Намек слишком явный. Да где вы достали это?» Я, наконец, ему указала ленту из желтого атласа, по которому шли бархатные темно-зеленые полосы. Он очень обрадовался находке и вызвался отправить верхового к m-me Пальмир, чтобы привезти берет или ток под цвет ленты. Это все, что я пока от него получила. Желтая юбка, обшитая черными кружевами, и корсаж из черного бархата, с беретом из черных кружев, – это самая последняя мода. Юбка должна быть бархатная, если лиф бывает фай. Черные атласные башмаки довершают туалет, я их меняю до семи раз в день. Это туалет для маркизы. Для чтения панегирика св. Людовика я оставалась в том же платье, что к обеду: белое креповое, с богатым золотым шитьем и белые атласные башмаки, окаймленные вышитым золотом лизере. Ленточки также с такими же двумя лизере. Все любовались ими, даже сам король; принцесса Аделаида заметила, что это непозволительная роскошь.

– Я боюсь, что вы не вернете ваших расходов, – сказала она.

«Ну, это еще погоди, моя милая», – подумала я.

№ 24. ГРАФИНЕ ЛЕГОНЪ

(В особом пакете за печатью Жиске)

Компъен. Суббота, 11 октября 1834 года

Демидов все сидит у меня до девяти часов, когда я уезжаю на службу к Тюфякину. Нет дня, чтоб он мне не привозил каких-либо безделушек, и часто очень ценных.

Он мне подарил четверку чудных лошадей с кучером и очень милым мальчиком; по-русски зовут это фореитором. Я Анатоля люблю как друга и брата. Я боюсь полюбить его. Моя любовь, если мы свяжемся серьезно, будет чем-то демоническим и для обоих будет пагубна. Рассказывают, что я ему прихожусь сестрой по отцу его. Я привыкла, чтобы меня любили тихо, безмятежно. Когда я гляжу на него, мне становится страшно. Думая об этом, я вперила в рассеянности на него глаза, и глаза стали заходить, и мне казалось, что они вертятся, а его глаза вперились в меня, проникая в душу мою, – и мы так сидели несколько минут. Нам подали лошадей. Я рассмеялась, сошла на крыльцо, села на лошадь и поскакала вместе, на общий рандеву. Я встретила с собравшейся кавалькадой, ехавшей нам навстречу: тут были графиня Каstellан, г-жа Андерсон с дочерью, граф Пажоль, Эдгар Ней и лорд Дуглас. Поздоровавшись с ними, я поскакала к герцогу Немурскому, который с нами должен был ехать; с ним был и брат его. Разгоряченная верховой ездой или разговором с Демидовым, я вдруг почувствовала, что вся кровь бросилась мне в голову. Демидов все приставал ко мне со своей бешеной лошадью. Я стала действительно нервной и все придерживала лошадь, герцог Немурский также, а наша кавалькада скакала все впереди, и мы ее потеряли из виду; Демидов ускакал туда же. Я воспользовалась поворотом, обернула лошадь и, скрывшись в лесу, поехала шагом по другой дороге; мы приехали домой задними аллеями. Прощаясь с герцогом, я сказала ему, что жду его с вновь появившейся четвертой частью Кукарачи, которую он только что получил; дверь останется незапертой.

Не прошло часа, как я была дома. Я разделась, легла на кушетку, сняла башмаки, которые положила на пол, близ моих ног. Маленькая девочка, одна из тех, что я готовлю, вбежала в комнату сказать, что герцог Немурский идет. Мой ответ, обращенный к Луизе Мейер, был:

– Поставьте ее на колени в людскую, оставьте ее без обеда и наденьте на нее ослиные уши.

Герцог стоял, улыбаясь. Я перебирала принесенный герцогом роман и дала мои приказания Луизе Мейер:

– Дайте ей выучить наизусть девять страниц из этого интереснейшего романа и не забудьте поставить на колени, возьмите сушеного гороха или песку с раковинами.

Меня поразили слова открытого нового романа, его четвертой части: они были так оригинально верны, что я, вскользь пробегаая открывшиеся страницы (129–137), дала девочке, чтобы она выучила наизусть и не вставала бы, пока твердо не выучит свой урок. Вот место, которое обратило мое внимание: «Чтобы судить и понять во всем объеме творение повара, надо сесть за стол, не имея ни малейшего аппетита, потому что торжества кулинарного искусства не утолять голод, но его возбуждать». Не правда ли, как верно? Мы это испробовали на этой глупой девочке. Аппетит герцога, несмотря на усталость, снова вернулся.

– Прошу ваше высочество вовсе не беспокоиться. Это для них здорово. Тюфякин еще строже и взыскательнее относится к девчонкам. Он с ними становится совершенно другим человеком. Умора смотреть. То ли будет, когда я ему передам их. Я пригласила герцога у меня обедать: соль-а-гратэн, потом филе миньон, бекасы – вот что я запомню и что вам могу дать. Вы скажите за час до обеда. Хотите обедать теперь? Через час будет сервировано. У меня так устроено, у меня отличный повар Крампон и метр-д'отель Блондель. Они оба прежде служили у Тюфякина, он их скрепя сердце мне уступил.

– Хорошо уступил, он вам двух шпионов приставил...

– Как вы можете это говорить, я разве у него любовницей служу?

Я тут заплакала, и истерические рыдания меня лишили возможности говорить.

– Вы разве не знаете, что я у него на службе, и он на мою любовь, право, никаких притязаний не имеет. Он знает, что я вас люблю, и знает нашу связь. Вы бога не боитесь.

Когда я оправилась немного, я ему сквозь слезы сказала:

– Приезжайте 25-го; это день вашего рождения. Князь Тюфякин хочет вас отпраздновать по-русски, он говорит, что этот день всегда празднуют в России. Я ему обещала поставить на сцену нечто из прошлого столетия. Я сама танцую в «Плохо соблюдаемой девушке». Сен-Леон – удивительный талант и отличный скрипач. Он у меня гостит и целый день возится с моими девчонками.

Пригласить ли тебя? Я, пожалуй, скажу Тюфякину, но тебе будет чрезвычайно скучно: один Евгений Сю, как устроитель праздника, а то все старики. Герцог Немурский будет наверное, я очень буду рада видеть и герцога Орлеанского. Скажи чистосердечно.

№ 25. ГРАФИНЕ ЛЕГОН

Компьен. Понедельник, 20 октября 1834 года

Я очень рада, что ты будешь у Тюфякина; я ему сказала об обоих герцогах, и он весьма рад их видеть. Он за неделю поедет их приглашать, а как ты вернешься, заедет к тебе. Я не знаю, говорила ли тебе в письме об одиннадцати счастливейших днях, которые я провела в Нельи среди королевской фамилии. Мне что-то помнится, что я ничего не сказала о подарках, мною полученных. Король мне подарил фермуар, оцененный в пять тысяч франков; королева подарила браслет в десять тысяч франков; все принцы и принцессы подарили мне разные сувениры, и даже сама принцесса Аделаида подарила четыре севрские вазы, с портретами Мальи и других трех сестер, я только помню герцогиню де Шатору. «Они вам более к лицу будут, чем старухе». Сказано это с хитрой целью, не даром; придумать не могу. Наверное, она меня ревнует. Подумай и напиши. По оценке они стоят по их величине до четырех тысяч франков, так мне их оценила m-lle Луиза Мейер и предложила деньги за вычетом 10 % за комиссию. Морни предлагает те же деньги и не берет комиссии. Наверное, гораздо больше стоят.

Нынче я репетировала в «Плохо соблюдаемой девушке» с восемью девочками и Сен-Леоном, который их хлестал по голым ногам своим бичом в одной руке и скрипкой в другой. Мне совершенно из памяти вышло, что я назначила этот день для прогулки верхом. Герцог вошел и очень просил не церемониться. Я очень запыхалась и просила герцога обождать несколько минут. Он видимо был очень доволен этой неожиданной обстановкой, сказал несколько любезных слов Сен-Леону и просил не стесняться его присутствием и продолжать Урок.

– Я себе позволю промуштровывать около получаса этих девчонок и потом примусь за нашу примадонну. Вы удивитесь, как она грациозно танцует и что она своими чудными ножками выделяет.

Мы возвращаемся в Париж 25 октября. Я намерена устроить спектакль ко дню рождения герцога. Тюфякин говорит, что так в России водится. Ну и отлично.

№ 26

Компьен. Среда, 5 ноября 1834 года

Представление отложено до нынешнего дня. Я уже три дня как открыла школу с m-лле Луизой Мейер в присутствии Жиске и всякий день бываю на репетициях в отеле Тюфякина. Я целый день в Париже, чтобы наблюдать за ансамблем. Декорации писал Морэн; они очень хороши и эффектны. Занавес изображает одну из местностей моей виллы близ Компьена; группа деревьев, затем два-три дерева, виден сельский мостик; я стою на нем в самой середине, и подо мной отражение в воде; по ту сторону мостика густой кустарник. Все это так наивно написано, видно, что прочувствовано, природа схвачена мастерски с натуры. Даже видны мои бронзовые полусапожки, отражающиеся в воде. Это просто прелесть. У меня первый эскиз. Театр устроен в вестибюле. Главные двери закрыты, к ним примыкает сцена. По бокам идут ложи, их по шести с каждой стороны, и две большие ложи, устроенные по обеим сторонам парадной лестницы. На парадной лестнице устроены сидения для публики; их счетом тридцать. Сверх того, вдоль оркестра двадцать четыре кресла для избранных. Затем после прохода помещались еще три ряда. Всех кресел двадцать четыре, между ними устроен проход, и в конце залы, у лестницы и по обеим сторонам, помещались двенадцать кресел. В первой ложе, или полуложе, помещался герцог Немурский, и она была без No; с противоположной стороны помещался князь Тюфякин; обе ложи имели вход на сцену. В первой ложе сидела графиня Легон как жена посла, и с ней герцог Орлеанский. В ложе напротив сидели г-жа Герю, Евгений Сю, как распорядитель спектакля. В третьей ложе – княгиня Ливен. В пятой – графиня Блессингтон, в седьмой – новобрачная принцесса Бирон, вышедшая замуж за полковника Лазарева. 29 октября он приехал к князю Тюфякину, настаивая, чтобы отложили спектакль на несколько дней. Хотя мне досадно было, что секрет обнаружился, я рада была отложить на неделю. Ее тетка, герцогиня де Саган, другая племянница, Фанни Бирон, и баронесса Мейендорф; в противоположных ложах сидели герцогиня Роган Рошфор, княгиня Виндишегрец, принцесса Латремуйль и графиня Самойлова. В ложе направо от парадной лестницы сидели графиня Разумовская и ее венские приятельницы Ностиц, Гацфельд, Коринская. Из участвующих в спектакле были г-жа Андерсон и живописец Морэн, игравшие роли благородных родителей. Я и граф Морни, который очень редко бывает в Париже (он теперь постоянно в полку в Оверньи, и уж верно недаром), – в качестве первых танцовщиков, и вообрази себе, из кого состояли мои сподручницы? Напрашивались многие, но я выбрала герцогиню де Валенсей, герцогиню д'Истри, девиц Краевскую и Эллис. Краевская вышла на сцену, одна нога обутая в ботинку, а другая – в башмак. Я ей сделала замечание в непристойности ее поведения. Она рассердилась и тотчас уехала. Фигурантки были мои восемь воспитанниц и исполняли свои роли лучше всех нас, но их, разумеется, не удостоивали (так в книге – *Д.Т.*) рукоплесканиями. Восемь молодых мальчиков пригласил Сен-Леон, но я не думаю, чтобы князь Тюфякин их желал ангажировать постоянно. На этом вечере было приглашено всего сто тридцать человек. Я настояла на том, чтобы все главные представители прессы были приглашены, но старик заупрямился, и пресса вся, как бы сговорившись, обошла убийственным молчанием наше несомненное торжество. Всех актрис я похерила, а князь Тюфякин мне в досаду похерил всех журналистов; только и был один Евгений Сю. Я желала пригласить г-жу Ансело по дружбе ее ко мне и к матери моей, но она часто приходила на генеральные репетиции и находила, что ей в самом деле неловко втираться в такое аристократическое общество. А трудно найти более избранное общество, как у нас собирается. Между приглашенными был Брюллов, который слывет за любовника графини Самойловой. Он выставил свою картину «Последний день Помпеи» в Лувре, в нынешнем ли году, или в прошлом, или третьего года, я, право, не запомню. Я хожу, как в чаду. В мастерской его видела недоконченный портрет самой графини, но когда –

не помню. Тебе ведь все равно, и мне также. Брюллов после первого свидания с ней прислал ей двадцать франков. Очень остроумно. Но охота ей связываться с каким-то живописцем! Ништо ей. Тюфякин всех русских принимает очень радушно. Он рад тому, что я впускаю их в мои гостиные, и нимало не неволит меня.

№ 27

14 января 1835 г.

Граф Партуно скончался; это большая потеря для Тюфякина. К счастью, отставка Талейрана наконец принята 7 января.

№ 28. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ

Париж. Четверг, 14/26 февраля 1835 года

Душка моя, Полина, радость моих дней, а ты еще не приехала, право, Париж скоро соскучится о тебе и начнет глупости делать. Министерство все изменилось: генерал Бернар заменил Жерара, Брессон – министр иностранных дел, герцог Бассано – министр внутренних дел, Тест – торговли и т. д. Вероятно, это очень неприятно твоему отцу; разве Тест пригодится. Напиши, пожалуйста, пооткровеннее, что ты об этом думаешь. Я, сумасшедшая, опять влюбилась и обещаю себе накрепко никогда более в подобные глупости не вдаваться. Мои ежедневные сношения с Морни сделали то, чего не добились бы всякие его ухаживания. Я его страстно люблю. Старик мой заметил тотчас мою любовь к Морни и сделался еще добрее и приветливее. Он мне каждый день дарит весьма ценные подарки: третьего дня подарил виллу близ Компьена, ту самую, где мы так сладко проводили время. Он только одного боится, чтоб я не покинула его, и ухаживает за мной, и ухаживает не за мною одной: он ласкает и ухаживает всячески за Морни и герцогом Орлеанским. Я хотела сказать Немурским, но обмолвилась. Я впросонках ошибаюсь и зову Фердинанд, когда следует сказать Луи, и наоборот. Хорошо, что Жуанвильский глух, как тетерев. Он меня любит без ума и мне бы никогда не простил. Я им особенно дорожу. Он мне будет очень нужен – его голос будет очень весок. А расчет старика очень верен: если герцог станет ревновать и оставит меня, я еще крепче привяжусь к Морни, и Морни наверное захочет меня взять безраздельно. Но я этого не хочу, потому что не хочу лишаться моего независимого положения и не хочу сделаться гулящей женщиной. Он так боялся, чтоб я не обнаружила перед герцогом моей любви к Морни, что избегал встречи между обоими. Он приучил Морни приходить к завтраку и часто отвозил нас обоих вместе, заезжая в два часа в свой клуб. Где ты найдешь такого добряка? Герцога он звал, когда захочет, на партию в вист. Когда партнеров было довольно или ему играть надоедало, мы удалялись в мою комнату для туалета и около двух часов проводили вместе, никем не тревоженные. Морни, как ни напрашивался, получал сухой отказ. Если бы Морни захотел, то я бы с ним на край света уехала.

28 февраля

Впрочем, я не очень рассчитываю на него: он мне не верен. Ты жалеешь обо мне, не правда ли? Ах, зачем тебя нет здесь! Мужчины так гадки. С ними можно только дела делать. Приезжай поскорее, я тебя замуж отдам. У меня сейчас был нотариус и говорил, что ведет с твоим отцом переговоры. Делож прекрасный малый, у него сто тысяч франков дохода, положенного отцом Демидова у моего нотариуса. Он не будет взыскателен, я тебе ручаюсь. Он мне сам рассказывал, какая у него точка зрения на этот счет. Только наблюдай, чтоб промаха не дать при составлении контракта.

У нас балы начинаются. Тюфякин решил дать каждые две недели бал, или, скорее, вечеринку. У нас будет всего сто приглашенных, и, разумеется, я приглашу самые выгодные для тебя партии. Смотри же, не мешкай и приезжай поскорее. Мой первый бал будет в понедельник, 2 марта, и потом через две недели в понедельник. Актеров и актрис и вообще женщин сомнительного поведения вовсе не будет. Я не терплю этого и готова развестись, он это хорошо знает. Все, что я успела сделать, это его уговорить, чтобы допустить четырех журналистов: Евгения Сю, Евгения Брифо, Евгения Гино. Я точно объелась этими Евгениями, у меня живот от них заболел, но они мне все трое нужны. Четвертым я приглашу либо Теофила Готье, либо Эмиля Жирардена, либо Леона Гозлана; я ими не дорожу, можно и приглашать по очереди. Слава богу, что ни одного Евгения не встретилось. Я их тебе в женихи не прочу, упаси боже. У меня будет около десяти молодых людей с большим состоянием. Тебе будет легко выбирать. Я их испробую как следует и тебе доложу обстоятельно. Ты счастлива, у тебя самой отложено на

полтора миллиона государственных бумаг. Скажи отцу, что я вовсе не желаю вредить интересам нашего нотариуса. Он имеет право на условленный процент. Я строго держусь мнения, что все участники должны получить следуемое без спора, а несговорчивые должны немедленно исключиться из сообщества. Держись этого правила и не жалея, что участников много. Ты останешься в выигрыше. Сам Мальтус ничего не придумает лучше, а прежде всего старайся не наживать детей. Это Мальтус придумал для бедных, но и для богатых оно крайне разорительно. Несравненно лучше пожизненная рента. Она гораздо современнее. Прощай, моя добрая Полина.

№ 29

Париж. Вторник, 2 марта 1835 года

Помета сделана карандашом; не знаю, относилась ли она к содержанию этой записки; я не думаю, чтобы письмо было послано по назначению. Полицейского номера не оказалось, и письмо уцелело в бумагах (черновых я никогда не пишу)

Когда я вошла в гостиную в сопровождении моей матушки, только что приехавшей из Лиона, я нашла Тюфякина с Александром Тургеневым и графиней Сиркур; за мной вошел Морни. Разговор шел, но не очень оживленный. Подали завтрак, и моя мать живо овладела, по обычаю своему, разговором. Тургенев говорил непринужденно о камерах, горячился, говоря о свободе и о правах народа. Тюфякин, желавший переменить разговор, который принимал характер политический, спросил Тургенева: «Все ли по старому порядку у вас порют на святой Руси?» Сожалел, что таскать мальчика за волосы для него составляет как бы вторую привычку. Графиня Сиркур, смеясь, говорила, что две-три оплеухи за неудачный ответ горничной ей не в диковинку, когда она в России, а когда во Франции, то воздерживается, потому что это слишком дорого обходится. Тюфякин соглашался с обоими и жаловался, что он давно не бывал в России, но хорошие привычки помнит и уважает. Мы от чистого сердца смеялись.

Мать моя, обрадовавшись просто случаю или ободренная ухаживаниями Тургенева, очень увивавшегося около нее (а ведь матушка и днем очень аванжна, просто задор берет, когда посмотришь на ее ножки), принялась рассказывать о своем пребывании на острове Мартинике.

– После смерти Николая Никитича Демидова я поехала к мужу в 1828 году. Не на радостное свидание я ехала к нему: он хворал и вскоре умер. Все беды разом обрушились на меня, и мои дела пошли с того времени совсем плохо. Я дочь мою поместила к мадам Шаретон, а сама отправилась в путь. После революции 1830 года наше положение еще ухудшилось, мы были крайне стеснены в наших владельческих правах. Мы еще владеем теми же правами относительно наших невольников, но их стало меньше вследствие финансовых потрясений. Мы вынуждены были продавать наших невольников, других средств к жизни мы не имели. С каждым днем содержание их становилось дороже, а цена на привозных все возвышалась и возвышалась. На месте их покупали по пятидесяти франков кругом, а доставленные на остров Мартинику нам обходились в полторы тысячи франков за каждого, – так дорого обходилась их доставка. Неосмотрительность наших либералов была тогда крайняя. Карл X ничем не лучше был нынешнего правительства; он разом объявил свободу взбунтовавшимся неграм в Сен-Доминго. Вместо того, чтоб нам прийти на помощь и дать средство пережить кризис, правительство ничего не делало, занимаясь единственно палатскими прениями и выборами в самой Франции, и предоставило нас нашей бедственной участи. У моей двоюродной сестры, впрочем, крайне доброй, услужливой и совершенно светской, оставалось после нескольких разорительных продаж только десятка два невольников и невольниц, – все людей старых и подростков. А людей мало-мальски годных к работе она всех поневоле продала, и жить было так трудно, что вы себе и вообразить не можете. Дочь воспитать надо в соответствующем ей положении, а на это по меньшей мере надобно каждый год высылать до трех тысяч франков; да и на себя по меньшей мере нужно столько же. Я из долгов и не выходила. У нас была плантация с полторастами негров и негритянок. Я почти все распродала; остался большой огород да маленькие плантации с деревьями какао. Мне до зареза нужны были деньги; я торопилась в Париж и занималась распродажей моего имущества. Посудите сами, каково было наше положение. Две из самых старых невольниц ходили каждое утро с набранными ягодами и овощами на продажу в Сенньер. Путь был действительно тяжелый: взобраться на гору Парнас и спуститься вниз

было дело нелегкое для дряхлых старух. Сестра и я, мы очень их жалели, но что же делать? – денег на свое собственное пропитание у нас не хватало. Старухи очень мешкали, а мы ожидали провизию с их возвращением; поставщик наш отмечал, когда они возвращались из города. Их ждали с нетерпением и ожидали палочные удары. Но они не исправлялись; пришлось удвоить порцию. Они верно засыпали дорогой вместо того, чтобы поспешать с своей ношей. Убедясь, что от них проку не будет, что они действительно неисправимы, а на пропитание их все же что-нибудь да идет, мы порешили дело очень скоро и приступили к исполнению немедленно. Сестра привязала их к двум столбам, надела на шею две рогатины и руки им скрутила за спину; так они пробыли всю ночь и день. Когда солнце склонялось к закату, они, одна после другой, испустили дух. Нам их очень было жалко. За дочь в пансионе мне приходилось платить до трех тысяч франков с содержанием ее, да на мое столько же. Были года, что я и десяти тысяч франков не выручала. Я большую часть моих невольников, ту часть, которая мне приходилась по наследству, продала; плантации и отцовский дом отдала в аренду; к счастью моему, я эти деньги поместила под залог сахарного завода. Мне это советовали г. Керменьян, Жиске и граф Морни, который этим делом сам с большим успехом занимается – дело совершенно верное. Я первую закладную имею, хотя в этом совершенно не нуждаюсь; я вполне верю в слово графа.

– Да вы получили двести тысяч франков на имя дочери от покойного Демидова, который умер, сколько помнится, в 1828 году, – заметил Тюфякин.

– Мои расчеты с дочерью и ее мужем такие: я ей отдала невольников, плантации же и дом принадлежали ей всегда. Я деньги издержала на воспитание дочери и на ее туалеты, а половину поместила под тот же завод; все бумаги в исправности, и мои отчеты представлены куда следует.

– Да оказывается, что вы мой должник. Как это забавно! Я о моих делах никогда не говорю с матерью, а помню, что подписала какие-то бумаги с г. Геллем.

– У нас до подобных жестокостей не доходят, – сказал г. Тургенев, – но, впрочем, бог знает, у нас пресса молчит и не может поднять голову.

Тюфякин и графиня Сиркур совершенно согласно показывали, что убийство, умышленное в особенности, не дозволялось и нашими древними законами, разве когда сторяча, да и то оно строго воспрещено.

– Я довольно недоверчиво, – заметила гр. Сиркур, – отношусь к рассказам всех искателей приключений, которые окружали Демидова и управляли его заводами; мне сдаются преувеличенными все рассказы эмигрантов, несмотря на мое глубокое к ним уважение.

– Граф Иосиф де Местер мне рассказывал со слов Тамары, и я этим словам верю, как себе, – заметил с большим тактом Тюфякин, – что к священнику в одной из деревень Тамары привезли хоронить девку. Священник усомнился и заподозрил, что, может быть, девка лишила сама себя жизни. Призвали из дома Тамары врача, который, не обинюясь, видя раны на трупе, заявил, что она засечена до смерти, и сам староста, ее доставивший, не опроверг его слов. Священник, вовсе не думая доводить о том до сведения суда или начальства, похоронил ее как ни в чем не бывало.

Анекдот, рассказанный Тюфякиным, дал моей матери время успокоиться. Я ожидала взрыва. Раздосадованная крайне неприличной выходкой г-жи Сиркур в отношении к ней самой и затрогивающей (так в книге – *Д. Т.*) к тому же национальную честь, мать моя, с удивительным хладнокровием и сдержанностью, не упустив из виду отстоять и нынешнее правительство, с большим тактом (браво, мама!) произнесла, останавливаясь на каждом слове:

– Мы располагаем до сих пор жизнью и смертью своих невольников, правительство настолько умно и просвещенно, что в эти дела не вмешивается.

– Я далеко не друг рабства, – возразил Морни моей матери, – но в данном случае я никак не соглашусь кормить людей, которые мне ничего не зарабатывают. Это нелепо и бросается в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.